

18+

ЛЕТАЮЩАЯ В ОБЛАКАХ

ПОЖИЗНЕННО

Мери Шафран

Мери Шафран

Летающая в облаках пожизненно

«Издательские решения»

Шафран М.

Летающая в облаках пожизненно / М. Шафран — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989225-6

Однажды моя преподаватель танцев поделилась, что, занимаясь на полотнах, она ощущает чувство настоящего полёта. Попробовав вслед за ней, я не смогла сказать того же. Тогда я задумалась: а когда я испытываю этот самый полёт? Оказалось, довольно часто! Когда выхожу на вечернюю пробежку и, ускоряясь, я словно лечу. Когда мчусь на велосипеде — я лечу. Поднимаюсь ввысь на качелях, танцую, добавив звук на припеве, пою, смеюсь от переполняющего счастья, когда исполняю мечту, когда... по-настоящему живу!..

ISBN 978-5-44-989225-6

© Шафран М.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Часть первая	8
Глава 1. Как всё начиналось	8
Глава 2. Вырвалась на свободу или попала в клетку?	13
Глава 3. Выжить любой ценой	27
Глава 4. «Блинная» любовь	31
Глава 5. «Эта песня хороша – начинай сначала»	37
Часть вторая	42
Глава 6. Студенческая жизнь	42
Глава 7. Костя	50
Глава 8. Закулисная жизнь лицедеёв	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Летающая в облаках пожизненно

Мери Шафран

«Человек – лучшая книга. Сюжет постоянно меняется, а концовка неизвестна даже автору».

Иллюстрации Мери Шафран

Редактор и корректор Ксения Зуева

Обработка иллюстраций Дарья Шабанова

© Мери Шафран, 2020

ISBN 978-5-4498-9225-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Однажды я готовила школьный доклад про своего знаменитого прадеда – главного врача городской больницы, который прошёл всю Великую Отечественную войну и чудом остался жив. Тогда я убедилась: собранные из семейных рассказов и газетных статей обрывки жизни звучат слишком бездушно. Куда интересней услышать историю человека от него самого.

Спустя годы и мне захотелось запечатлеть на бумаге яркие события своей молодости, успеть, пока прошлое ещё свежо в памяти, не вытеснилось событиями настоящего.

Всё случилось 17 августа 2014 года благодаря моей давней подруге. После долгой разлуки я без умолку рассказывала ей накопившиеся новости. Приятельница сначала внимательно слушала, потом, зевнув, спросила: «А у тебя не было мысли написать книгу?»

Я серьёзно задумалась: а почему бы и да? Мои последние сомнения мгновенно рассеяла другая подруга, убеждённо заявив: «Давно пора».

Со мной частенько происходят удивительные истории, каждая из которых словно сюжет для киноленты. Один мой знакомый, собиравшийся стать режиссёром, как-то раз даже предложил снять фильм о моём переезде в Питер. Но обо всём по порядку.

Будучи подростком, я с упоением читала романы о любви сестёр Воробей: такие маленькие книжки в мягком переплёте с крупным шрифтом, каких у меня накопилась целая серия. Как же мне всегда хотелось самой стать героиней этих романов! И вот неожиданно настало время, когда я закончила собственную книгу.

В школьные времена я была крайне стеснительной и скромной, боялась заговорить с мальчиками и с завистью наблюдала, как легко это удаётся другим девочкам. Стоило мне попробовать последовать их примеру, как щёки тотчас предательски краснели, мысли путались, и наружу вырывался лишь нервный смешок. Но в один прекрасный день я поняла, что жизнь коротка и второго шанса может просто не оказаться – лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и потом раскаиваться об этом всю оставшуюся жизнь. Не бросаясь в крайности, конечно. Это и стало впоследствии моим жизненным девизом.

Кто-то однажды заметил, что жизнь не сериал и часто бывает монотонной. Это верно, но и от нас многое зависит. Я не могу долго сидеть на одном месте. Так было всегда и продолжается по сей день. Иногда мне кажется, что, готовясь к земному пути, я поставила задачу испытать в ней всё по максимуму.

Ведь жизнь удивительна! Столько едва заметных чудес случается с нами каждый день, столько событий. Никогда не знаешь наверняка, что произойдёт в следующую минуту. Порой неожиданная встреча меняет жизнь и новое знакомство переворачивает с ног на голову привычный ход событий. Иногда необходимо затишье, помогающее переосмыслить какой-то период, найти себя в этом мире и набраться сил для новых свершений.

Однако мне думается, за столь короткое время, отпущенное нам, нужно успеть набраться впечатлений, осуществить свои заветные мечты, чтобы в старости не пришлось вздыхать об утраченных возможностях.

«Летающая в облаках» – это я и мой пожизненный приговор. Прочитав однажды удивительную книгу «Поллианна», я обнаружила поразительное сходство с главной героиней и тем самым словно заручилась поддержкой.

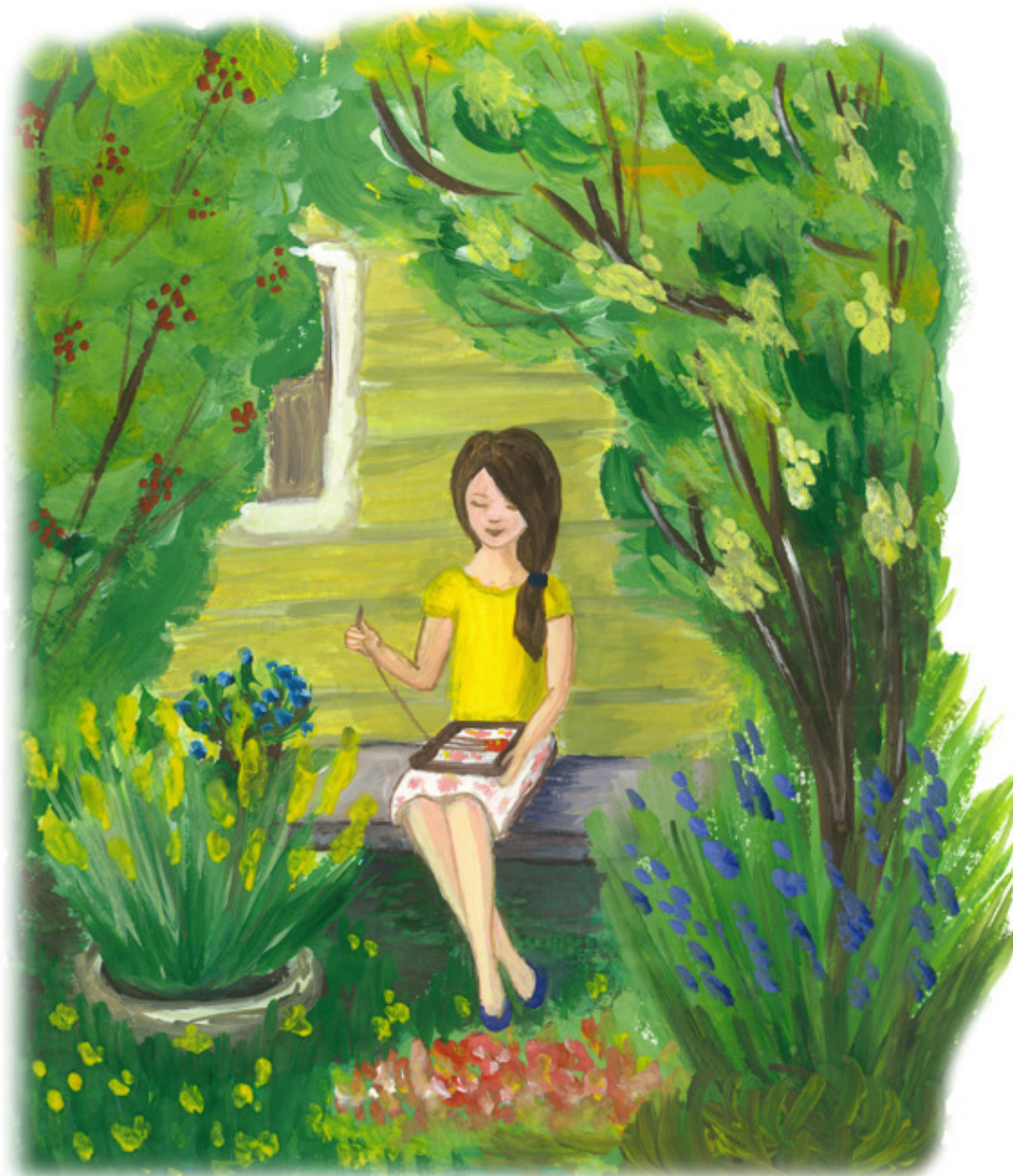
Для меня всегда было важно уметь радоваться жизни – мы пришли на Землю не для страданий и мучений. Однако от «серьёзных» людей (а в современном мире таких большинство, и именуются они взрослыми) я часто слышу в свой адрес насмешки и замечания по поводу беспрестанного смеха. В действительности же, я просто люблю наблюдать за окружающими и их реакциями, и порой не рассмеяться просто невозможно. А бывает, что смех служит банальным способом самозащиты в неприятных ситуациях...

Но благодаря этой книге я возвращаюсь к себе. Теперь это дом для множества воспоминаний, которые со временем волей-неволей улечиваются из памяти, уступая место новым впечатлениям и событиям. Мне хотелось запомнить этот период – непростое и одновременно чудесное время. Смею надеяться, что мои читатели смогут лучше понять себя и, возможно, избежать некоторых ошибок, а дети и внуки – глубже узнать свою прародительницу с её мыслями и чувствами.

У вас в руках своего рода дневник. Говорят, что реальность намного фантастичнее вымысла, и с этим, пожалуй, трудно не согласиться. Я готова поделиться с вами частичкой себя, своей истории, лелея надежду, что эти страницы согреют вас в холодные времена, поддержат в трудные моменты, вдохновят на подвиги. Вы убедитесь, что плохой конец – это ещё не конец, всё всегда заканчивается хорошо и выход есть из любой ситуации.

Часть первая

Глава 1. Как всё начиналось

Я выросла в небольшом провинциальном городке, в старом деревянном прадедовском доме, с баней, огородом, палисадником и туалетом на улице. Одно время были у нас куры, свиньи и даже кролики. Во дворе жила огромная кавказская овчарка по кличке Барсик, а на крыше его вольера любил нежиться в солнечных лучах кот Тиша.

Пёс всегда казался мне просто огромным. Барсик (сокращённое от Джуль Барс) нас любил и защищал, самоотверженно лая на каждого проходящего мимо ворот. Особенно рьяно он облаивал вошедших во двор гостей, брызжа слюной во все стороны.

Днём Барсик сидел в вольере, ночью бегал по двору. Когда по утрам мне приходилось его кормить, я, трясаясь от страха, еле удерживала тяжёлую кастрюлю супа. Барсик, учуяв еду, начинал яростно биться о старенькую деревянную дверь, отделявшую дом от двора. Тогда нужно было действовать без промедления: вылить всё содержимое в миску в вольере и мгновенно скрыться, заперев клетку снаружи. В противном случае пёс начинал грозно рычать, боясь посягательств на принесённый мной же суп.

За зиму Барсик обрастал шерстью и становился большим пушистым медведем, и летом мы с сестрой Верой всю эту пушистость регулярно вычёсывали. Пёс обожал это занятие: он прислонялся к сетке вольера и довольно вилял хвостом, пока мы тянули шерсть через дырочки ограждения, аккуратно собирая её в пакет.

В один из дней, собираясь в школу, я уже стояла у ворот дома, как вдруг сзади на мои плечи грузно опустились две лохматые лапы. В первую секунду я замерла, оцепенев от ужаса. Оказалось, что этот неуёмный пёс выломал доски и вылез из вольера, умудрившись подобраться ко мне практически бесшумно. Я метнулась к клетке и с трудом загнала собаку обратно, подперев выломанные доски лежавшим рядом кирпичом, и побежала на уроки.

Гости у нас бывали редко, чаще мы сами ходили к родным или друзьям. Но если всё же кто-то заглядывал, то мы с сестрой, заслышав грохот хлопающих ворот, тут же взбирались на печку и недоверчиво выглядывали сверху. Мама над нами смеялась, но забавная привычка сохранилась на года: даже став взрослыми, мы машинально ищем убежища от непрошенных гостей, работников ЖЭКа, грузчиков и др.

Я очень любила возиться в палисаднике: пересаживать цветы, полоть, поливать, обрезать ветви разросшихся кустарников – в общем, устраивать себе уютное местечко. Скамейкой мне служила доска, лежавшая на кирпичках у самого фасада дома. Я обожала сидеть здесь тёплыми денёчками: читать, рукодельничать или просто созерцать окружающий мир. Кусты ирги и сирени создавали отличную тень и скрывали меня от любопытных взглядов прохожих.

Как-то в кирпичках завелись муравьи, которые ползали по всей скамейке. Я взяла мамин аэрозольный дезодорант и впрыснула в отверстия кирпичей. Не знаю, почему я решила бороться именно так, но метод оказался действенным – муравьи так и не вернулись.

Каждое лето я переезжала на веранду. До чего прекрасно было засыпать под стрекотание сверчков и кваканье лягушек за окном! Весной я сначала долго наводила там порядок: за зиму Вера умудрялась так всё разворошить, играясь со всем, что попадёт под руку (особенно ей нравились мои аккуратно уложенные по коробкам игрушки, стоявшие под кроватью), что не хватало и дня для уборки.

Зато потом я с наслаждением окуналась в обустроенное одиночество. Кровать стояла вдоль большого окна, отделённая от остального пространства светлыми шторами. Лёжа на мягкой перине, я чувствовала себя настоящей принцессой: дотемна читала книги и, изучая звёздное небо, мечтала о принце. А каждое утро неизменно просыпалась под завывания Барсика, который просил завтрак.

Но постепенно ночи становились холоднее, лето заканчивалось, и я до последнего старалась оттянуть возвращение в тёплый дом, кутаясь с головой в несколько слоёв одеял. Последняя ночь на веранде всегда была полна грусти и печали; не хотелось верить, что очередное лето подошло к концу и завершилось моё волшебное времяпровождение.

На нашей улице жили в основном старики, поэтому истории о детстве в шумной компании обошли меня стороной. Был сосед Ромка, у которого мы с сестрой всегда брали велосипеды: трёх- и четырёхколёсный. У отца Ромы имелась большая редкость на то время – видеокамера, благодаря которой остались на память наши детские видео с праздников и посиделок у друга.

Через пару домов от нас жила соседка баба Тоня, она всегда высаживала под окнами множество цветов. До сих пор нежный аромат флоксов ассоциируется у меня с этой строгой, но добродушной старушкой.

Тёплыми летними вечерами старики собирались на улице под листвой черёмухи и долго беседовали. Каждое лето к бабе Тоне приезжала внучка Кристина – наша закадычная подруга, с которой никогда не было скучно, и однажды мы с ней устроили для стариков настоящий концерт с песнями и танцами. Днём старательно готовили программу – разучивали перед домом подруги танец под песню «Чашка кофею». Магнитофон стоял на подоконнике открытого окна, потому приходилось каждый раз к нему подбегать, чтобы включить песню сначала. Зрители были в восторге от нашего концерта и по окончании долго аплодировали.

В шесть лет меня отдали на хореографию. Мама за руку привела на первое занятие, а после я ходила уже самостоятельно. Помню, как всегда стеснялась своего возраста на переключках – мне было очень стыдно признаваться, что я из садика, в то время как остальные девочки были уже первоклассницами.

Меня редко брали на концерты, и я никак не могла понять, почему, из-за чего жутко злилась и расстраивалась. Я очень любила выступать: обожала наряжаться в яркие сценические костюмы, танцевать в лучах прожекторов, из-за которых не разглядеть зрителей; любила громкую музыку, заполнявшую собой всё пространство...

Прозанимавшись в студии шесть лет, я ушла после одного случая. Я долго учила танец, где должна была выступать в главной роли, но в нужный момент никак не получалось изобразить испуг, за что преподавательница меня постоянно ругала. И вот однажды, придя на занятие, я увидела, как мою роль репетирует другая девочка. Это было всё равно что предательство. Я постаралась не подать вида, что расстроена, но больше на занятиях не появилась.

После этой печальной истории я сама записалась на аэробику. Кружок оказался менее популярным, но мне это было только на руку – меня брали во все танцы и выступления, и я была безмерно рада.

Многие в то время фанатели от зверушек в зоологическом кружке. Решив узнать, что их привлекает, записалась и туда. Но хватило меня лишь на пару дней – жуткая вонь от всей этой живности, постоянный писк попугаев меня не впечатлили. К тому же все давно разобрали морских свинок, чтобы за ними ухаживать, и мне никого не досталось, хотя прибираться в кружке нужно было всем по очереди. Хоть рыбку себе бери, но какой от неё толк – даже не погладить.

Практически всю школу я проходила в воскресный кружок немецкого языка. Его посещали вместе с родителями, и я всегда очень скромничала и пряталась за маму. Здесь мы каждый год отмечали католические праздники, Рождество и Пасху: устраивали чаепитие, мастерили подарки, разучивали немецкие песни, стихотворения. Однажды мы с сестрой даже попали в детский лагерь от немецкого общества с углублённым изучением языка. Смена длилась всего десять дней, но какими они оказались насыщенными! Язык, правда, я так толком и не выучила, но тёплая атмосфера, которая всегда царила на занятиях, запомнилась мне надолго.

С первого класса я посещала изостудию, которую вела прекрасная преподавательница – невысокая пухленькая женщина в очках. Мне невероятно нравились наши занятия, и я мечтала о художественной школе в будущем, но так как дома пылился папин аккордеон, меня отдали в музыкальную школу. Я сопротивлялась, поскольку этот инструмент совершенно меня не вдохновлял, но родители настояли. На прослушивании я жутко волновалась, и из жалости меня взяла к себе невысокая большеглазая улыбчивая женщина – Лариса Марковна.

На обратном пути мы с мамой проходили мимо актового зала музыкальной школы, где толпились девочки с родителями – шёл набор в хореографию. Мама предложила попробовать, но мной овладело жуткое упрямство; возможно, причиной была усталость от только что пережитого волнения, хотелось избежать повторной попытки, и я отказалась.

С того дня я стала ученицей Школы искусств по классу аккордеон. Своего занятия я очень стеснялась, в школе надо мной только подтрунивали. Ещё бы: мы жили в городе, где всё «деревенское» принижалось, высмеивалось. Я была единственной «народницей» в классе, мой инструмент называли гармошкой, отчего я расстраивалась и стеснялась ещё больше. Сестра вообще не любила мою игру, поэтому приходилось учить произведения в её отсутствие.

В музыкальной школе учёба давалась нелегко, но было интересно. На занятиях по музыкальной литературе мне нравилось слушать классическую музыку на пластинках, изучать биографии великих композиторов, петь в хоре, но вот ритмика, оркестр и сольфеджио у меня не задалась. На ритмике раздражали однообразные прихлопывания и притоптывания, с огромным трудом давались диктанты на сольфеджио, голова вскипала, пока я силилась понять, какая нота или аккорд сейчас прозвучали.

Оркестр я и вовсе не смогла выдержать – меня охватывала паника от ответственности вступления в нужный момент, я постоянно всё портила, отчего наш весьма эмоциональный дирижёр (он к тому же являлся директором школы) повышал на меня голос. После пары таких уроков я попросила Ларису Марковну освободить меня от этих пыток, и святая женщина пошла мне навстречу.

Больше всего я любила занятия по специальности. У меня была прекрасная преподавательница – добрая, открытая, жизнерадостная, терпеливо объяснявшая новые произведения. Она повысила на меня голос лишь однажды, но, увидев навернувшиеся на глаза слёзы, больше никогда не ругалась. В конкурсах я участвовала крайне редко – очень боялась играть на сцене, да ещё под оценивающие взгляды судей. На выступления перед родителями я просила своих не приходить, иначе страх сковывал пальцы, и я совсем не могла играть.

Однажды на одном из концертов произошёл конфуз. Меня объявила ведущая. Торжественно выйдя на середину сцены, я кивнула зрителям, как нас учили, села, приготовившись играть, как вдруг, словно в страшном сне, с досадой осознала, что не помню ни единой ноты и даже понятия не имею, с чего начать.

Я несколько раз прикладывала пальцы к клавишам, но безуспешно – в голове будто гуляло перекасти-поле. Я осторожно встала, стыдливо улыбнулась, кивнула и быстро покинула сцену, покраснев от смущения. Лариса Марковна потом сказала, что так бывает, когда долго играешь на автомате – на сцене от страха пальцы перестают слушаться, а ноты из головы уже давно выветрились.

Закончив музыкальную школу, я так и не смогла расстаться со своей преподавательницей и приходила вечерами, когда у неё оставалось время. Наши занятия стали моей отдушиной: столько радости и тепла они приносили, что каждый раз после них я шла домой окрылённая.

Из-за насыщенной программы музыкальной школы я не попала в художественную. Чтобы получить хоть какие-то азы, поступила на курсы академического рисунка, которые вёл колоритный мужчина с пышными казачьими усами – в нашем городе такая внешность была редкостью. Преподаватель оказался удивительным человеком, прекрасным художником, искренне верящим в нас и наше поступление в вуз. Было сложно, но увлекательно.

Отдельная история получилась с общеобразовательной школой. Я её не любила: в нашем классе было много отличников, на которых ориентировались учителя, а мне было сложно за ними поспевать, запоминать материал, разбираться в новом, и я вечно чувствовала себя слабым звеном. При этом все вечера, вместо «гулянок», я корпела над учебниками – впрочем, наша строгая мама меня бы и не отпустила. Зарывшись в книги, какое-то время я честно старалась выполнять домашние задания, готовиться к контрольным, но постепенно мысли уносили меня далеко отсюда. Очнувшись, я с удивлением обнаруживала, что уже поздно и пора спать, но так хотя бы совесть несильно мучала – ведь всё это время я не вставала из-за стола.

С самооценкой в школьные времена у меня была настоящая беда. Себя я никогда не любила и, хуже того, считала это правильным. Любовь к себе представлялась мне самолю-

бованием, образцом которого служили мои одноклассники – тогда я ещё не видела разницы между адекватным отношением к себе и себялюбием. До старших классов одевалась очень скромно: в колючую кофту, связанную мамой, джинсы, сапоги на вырост; на голове – неизменно длинные волосы, густые, тяжёлые, затянутые в низкий хвост (неважно, на какой высоте он был изначально).

Под конец учёбы во мне стало что-то меняться и захотелось одеваться нарядно. Я стала чаще носить юбки, красивые блузки, убрала длину и оставляла теперь волосы распущенными. Последние два года училась через силу – я стремилась скорее вырваться куда-нибудь подальше от ненавистных одноклассников с их пошлыми и грубыми шутками, от строгих и нудных учителей.

Чтобы как-то скоротать время до выпускного, я решила найти для себя предмет обожания, благодаря которому вставать по утрам стало бы радостнее. Это получилось неожиданно легко – в соседнем кабинете классом младше учился симпатичный мальчик, который тоже проявлял ко мне симпатию. Было приятно, хотя я видела, как он параллельно заигрывает с моей одноклассницей и шутит со своими. Всерьёз его ужимки я не воспринимала, но для своей роли он вполне годился.

В школе я по очереди влюблялась во всех одноклассников, но мои чувства никогда не были взаимны – наши мальчики заглядывались на девочек постарше. Я лишь с грустью вздыхала, во время медленных танцев на школьных дискотеках неизменно оставалась в стороне и никогда не получала валентинок в День Влюблённых. Вечера, когда не нужно было идти ни в музыкальную школу, ни к репетитору, я просиживала за учебниками, печально глядя на проходящие под окнами влюблённые парочки. Летом же, засыпая на веранде, представляла, как под окнами меня будет ждать он... Я увижу его в окно, прокрадусь на улицу, и мы будем сидеть перед домом, держась за руки и разговаривая вполголоса.

Но тогда моим детским мечтам не суждено было сбыться; возможно, дело было в низкой самооценке, а может, просто не пришло время.

Глава 2. Вырвалась на свободу или попала в клетку?

Я мечтала уехать в Петербург, и на то было несколько причин.

Во-первых, хотелось вживую увидеть этот большой красивый город, о котором с таким восхищением рассказывала наша классная руководительница.

Во-вторых, мне крайне осточертела однообразная жизнь. Я знала наперёд, как пройдёт абсолютно каждый мой день: куда отправлюсь, с кем встречусь. Душа просила чего-то неизве-

данного, но так как в нашей семье сильна династия врачей, родные настаивали на том, чтобы я шла протоптанной дорожкой: поступила в Медицинскую Академию в соседнем городе, живя в это время у бабушки, которая там преподаёт, а затем устроилась бы работать к родителям в единственную городскую больницу. Жизнь представлялась мне скучной, монотонной и распланированной до глубокой старости. И самое главное, врач – это призвание, а я себя в этой профессии никогда не видела.

В довершение, я уже несколько лет была безответно влюблена в соседского парня по имени Костя, из-за чего было особенно тяжело... Его семья руководила сектой, так что юноше было не вырваться из-под родительского влияния – да и сомневаюсь, что он очень этого хотел. Я часто сталкивалась с Костей на улице, и даже когда просто проходила мимо его дома, сердце готово было выпрыгнуть наружу. Но о своей первой любви я поведаю в отдельной главе.

Таким образом, собрав все причины воедино, я решила испытать судьбу.

Получив аттестат и сертификат с результатами ЕГЭ, мы с папой выдвинулись в Северную столицу. В Питере я всюду следовала за отцом и заворожённо глядела по сторонам – тут и там то возникали огромные храмы, то показывались многочисленные реки и каналы.

Меня поразили «сплошные» дома, прерывающиеся лишь на перекрёстках. В нашем городке каждый дом стоит на большом расстоянии от следующего, и потому здешняя теснота казалась диковинной. После обилия зелени в родных краях каменные джунгли угнетали, а в жаркие дни я думала, что того и гляди расплавлюсь на какой-нибудь мостовой, задохнувшись в придачу выхлопными газами бессчётного количества машин.

Ошеломительным мне казался и тот факт, что обилие воды в большом городе вовсе не подразумевало наличия питьевой в открытом доступе. На каждом углу родных просторов стояли колонки, из которых мог пить любой желающий. Необходимость покупать простую воду, да ещё по заоблачным ценам, никак не укладывалась в моей голове.

Все дни я проводила за подготовкой к вступительным экзаменам, в то время как папа вовсю отдыхал, гуляя по выставкам, музеям, посещая театры и пропадая в магазинах. Порой я очень ему завидовала.

Это был последний год, когда помимо ЕГЭ в каждом вузе проходили вступительные испытания (творческие направления не в счёт). Я подала документы в несколько учреждений и была невероятно горда собой, когда написала самый сложный экзамен по математике пусть и всего на три.

Но по мере сдачи вступительных экзаменов энтузиазм стремительно падал. Я была наивна и не подозревала, что замахнулась на престижные вузы, куда берут либо очень одарённых, либо своих, окончивших подготовительные курсы. В полном замешательстве я наблюдала, как, получив билеты, практически все абитуриенты шуршали шпаргалками и начинали в открытую списывать. Вопросы оказались довольно сложными, и я не сразу догадалась, откуда у остальных есть ответы.

На консультации в другом вузе грустный преподаватель сразу честно сообщил, что берут они только своих, и, как бы прекрасно ты ни рисовал, если не подойдёшь «под формат» (в плане требуемой техники исполнения) – тебя не возьмут. Это не обнадеживало, но я решила рискнуть. Преподаватели на экзамене часто проходили между рядами и давали подсказки некоторым абитуриентам. На душе было гадко – все обходили меня стороной, и я видела, как сильно отстаёт моя работа в сравнении с остальными.

В последний вуз я не прошла по баллам. Меня смутило недоумение мужчины из приёмной комиссии, который не хотел возвращать документы: «Вы прошли в какой-то другой вуз? Почему забираете?» Словно они могли меня взять...

Но вопрос остался незадаанным, и мы просто ушли. В этот момент оборвалась последняя нить надежды, я словно провалилась в бездну. Громом в голове звучали слова: «Я не посту-

пила». В школе и дома мне так вбили в голову важность высшего образования, что в нынешнем положении я будто потеряла почву из-под ног, не видя дальнейшей жизни.

Я, не самая глупая в классе, единственная осталась за бортом. Но что странно, когда сдавала вступительные испытания, то чётко осознала, что не хочу учиться ни в одном из выбранных университетов. Здание факультета первого учреждения, казалось, вот-вот развалится, да и преподаватель на экзамене оставил неприятное, отталкивающее впечатление.

Во втором вузе меня очаровали просторный холл, где разместилась приёмная комиссия, и красивая белая лестница, обрамляющая его. Но когда мы сдавали экзамен, оказалось, что этой лестницей вся красота и ограничивается: в обе стороны от неё уходили тёмные обшарпанные лабиринты коридоров и такие же страшные кабинеты. После экзамена мы с ребятами долго не могли найти выход – на всех лестницах стояли решётки. Позже выяснилось, что, для того чтобы спуститься на первый этаж, необходимо сначала подняться на пару этажей выше.

В третьем же институте не покидало ощущение обычной школы: заурядные, ничем не примечательные кабинеты с близко поставленными партами, затрудняющими проход, и ни одной большой аудитории с амфитеатром, как я всегда себе представляла.

После такого провала ехать обратно домой совершенно не хотелось. Я очень переживала – город маленький, все друг друга знают. И действительно, по возвращении началось... Я часто сталкивалась на улице со знакомыми, которые непременно начинали расспрашивать о поступлении. Каждый раз, когда я вспоминала эту историю, слёзы лились рекой и мне становилось ужасно себя жаль. Собеседник считал своим долгом дать совет – все лучше меня знали, что нужно было делать.

Я обижалась, расстраивалась, но и на себя тоже злилась – ведь в классе я входила в число способных учениц, однако оказалась единственной непоступившей. Стало очевидно, что в родном городе мне оставаться нельзя – я быстро зачахну от тоски. Меня очень пугало будущее: если и в следующем году не поступлю, то что делать? И что делать сейчас?

На семейном совете было решено ехать в Петербург. Я нашла подготовительное отделение при Педагогическом университете, и вот, поздним сентябрьским вечером, мы с мамой сидели на вокзале в ожидании поезда. Темнело быстро, вечера уже стали холодными. Мама казалась совершенно спокойной, но на самом деле сильно переживала, провожая ребёнка в неизвестный город. Это я узнала от неё потом, спустя годы, а тогда мы просто стояли и шутили.

Вскоре подъехал мой поезд, мы распрощались, и я покатила в Петербург, не подозревая, что навсегда прощаюсь с беззаботным детством. Меня одновременно переполняли волнение и радость. Вот она – новая жизнь. Без оваций и фанфар, как случается в жизни всё самое важное. Утром на подъезде к городу я увидела в окне радугу – это определённо хороший знак, решила я, и всё у меня получится.

По приезду я первым делом записалась на курсы. На пороге подготовительного отделения меня встретила чудесная женщина, которая, словно добрая фея, осветила мне путь, отведя все тревоги. Она мгновенно стала для меня родным человеком; потом, когда становилось совсем тяжело, я всегда бежала к ней, и её добрые слова и поддержка придавали мне сил.

Так началась моя жизнь, полная приключений, о которых я мечтала в школьные годы. И получила сполна. Иначе и быть не могло, ведь я очутилась в огромном, совершенно чужом городе. Каждый вечер созванивалась с мамой, просто потому что больше говорить мне было не с кем.

Я сразу приступила к поискам работы. Я была большой трусихой и домашней девочкой, куда-то пробиваться – это совершенно не моё. Каждый телефонный звонок на возможное место работы давался мне с трудом, это был настоящий подвиг. В то время я не имела компьютера, телефоны ещё не были такими продвинутыми, то есть Интернета у меня не было от слова совсем. Я покупала газеты с объявлениями и звонила. При этом некоторые вари-

анты мне вообще были непонятны – как, например, промоутер. Подобные объявления я встречала чаще всего, но нигде не описывалось, что из себя представляет эта должность, а в нашем городке такой работы не было и в помине.

Я решила всё-таки испытать судьбу и записалась на собеседование. Офис находился в здании какого-то завода. На входе нужно было заполнить два пропуска – на вход и выход; с такой пропускной системой я столкнулась впервые. На собеседование пришло очень много девушек. В необычном стеклянном помещении несколько человек одновременно разговаривали с менеджером, молодой девушкой. Все говорили про какие-то санкнижки. Я даже не знала, что это такое и есть она у меня или нет.

Когда очередь дошла до меня, девушка протянула мне ручку и попросила продать её ей. Я была в ступоре и, нервно улыбаясь, начала что-то бормотать, краснея до кончиков ушей. Я не понимала, что всё это значит и как это связано с таинственной работой промоутером. Но спросить боялась – очевидно, знали все, кроме меня, и я не хотела оказаться в глупом положении.

Это собеседование оказалось для меня таким стрессом, что когда я вышла из здания, то чуть не разревелась. Не умела я продавать ручки. Но позднее мне перезвонили и позвали на акцию кофе «Дегустация и подарок за покупку».

Это был мой первый опыт в роли промоутера. Помню предварительный тренинг, потом кастинг. Фраза, которую я хорошо запомнила на тренинге: «Реклама – фантазийный мир». Менеджер разъяснила: «Всё ясно как день: реклама – это выдуманный мир. Если в рекламе говорят, что порошок отлично отстирывает, не оставляя пятен, так совсем необязательно, что это так». Меня поразило, что работающие в этой сфере люди говорят об этом так открыто. Какой-то всеобщий обман.

В кинофильме «Кейт и Лео» тоже была история о рекламном обмане. Красивый парень с экрана телевизора рассказывал домохозяйкам об удивительно вкусном и полезном сливочном масле. Наивные женщины ему верили, не подозревая, как за кадром тот старательно отплёвывался, стоило только выключить камеру.

Кофейная промоакция и работа промоутером оставили двойственные чувства. С одной стороны, я наконец-то начала общаться с кем-то кроме мамы, мне нравились девочки, с которыми я работала, с одной из них мы даже сдружились на долгие годы. Работа напоминала мне какой-то аттракцион, детскую игру, в которой нарядные девушки в бархатных платьях зазывают всех на чашечку кофе, рассказывая о свойствах и качествах, которых и в помине нет в этом напитке.

Но с другой стороны, мне жутко надоело стоять по четыре часа кряду и по сто раз повторять одно и то же. Навязчиво зазывать каждого встречного и, мило улыбаясь, настаивать на покупке именно этого сорта кофе.

Мне «повезло»: это было в 2008 году, когда разразился экономический кризис, и промоакций проводилось мало, оплата тоже уменьшилась. После того, как я попробовала свои силы, меня долгое время никуда не звали.

Пришлось искать новую работу. Пока я просматривала очередную газету объявлений, меня привлекла одна вакансия. В крупную косметическую компанию требовались консультанты. Работа по четыре часа в день, официальное трудоустройство через месяц стажировки и обещания достойной зарплаты.

Меня сразу пригласили на собеседование. Я очутилась в крохотном помещении подвального этажа, девушка на входе улыбнулась и протянула мне анкету:

– Проходите, располагайтесь. Я скоро подойду.

Оставшись одна, я принялась старательно заполнять поля, вопросов было много. Только я отложила ручку, как вернулась менеджер. Взяв у меня анкету, она села напротив и непри-

нуждённо принялась расспрашивать о моей жизни. Сначала вопросы были безобидные, но вот дальше...

– А если опять не поступите, чем будете заниматься? Что скажут родители? Где будете жить, на какие средства? Вернётесь домой? Уверены, что сможете себя прокормить?

Я растерялась от откровенных и совершенно неожиданных вопросов. Я и сама себя постоянно обо всём этом спрашивала. Неудивительно, что, как только встреча закончилась и я вышла на улицу, слёзы хлынули из глаз. До самого метро я шла, громко всхлипывая.

Как оказалось, то была простая проверка стрессоустойчивости, но тогда я об этом не знала. И без того напуганная, я недоумевала, отчего незнакомая девушка «ковыряла» самые болезненные занозы. Я была уверена, что меня не примут – слишком уж всё у меня в жизни неопределённо и неустойчиво, а для них, судя по вопросам, это было важно.

Снова взяв в руки очередную газету, в разделе творческой работы нашла небольшое объявление: «Ремонты в дворцовом стиле. Всему научим».

«Интересно, – подумала я. – Эти знания можно будет применить при ремонте нашего нового дома, который родители активно достраивают».

Я отправилась на собеседование. Целых сорок минут шла пешком по проспекту от одной из центральных площадей до нужного мне здания, решив, что это самый быстрый путь. Маршруток я побаивалась, а другого транспорта от метро не ходило.

Офис оказался переделанной квартирой с отдельным входом. Здесь ещё всю шёл ремонт, но готовые кабинеты меня впечатлили.

Кроме директора компании в офисе никого не было. Собеседование проходило в изумрудном кабинете за большим дубовым столом. Директор, добродушный мужчина лет пятидесяти, сразу принялся рассказывать о должности, не пытая меня странными вопросами, а в конце пригласил приступить к работе в ближайшее время.

На обратном пути я вся сияла: наконец-то меня взяли, да ещё в такое интересное место! Заметавшись, я не заметила, как в вагоне метро остановила взгляд на стоящем спиной парне и проследила, как он садился на освободившееся место на станции. Мы встретились глазами, и молодой человек, подперев ладонями лицо, уставился на меня. Я смутилась и виновато опустила глаза, но парень продолжал смотреть, будто хотел просверлить меня насквозь. Его это явно забавляло.

Вскоре он переключился на другую девушку, но та сделала вид, что не заметила. Тогда парень стал изображать уснувшего напротив мужчину, периодически поглядывая на меня. Я сдержала подкативший смех, затем он снова пристально уставился на меня.

Не придумав ничего лучше, я просто отвернулась к стене, улыбаясь и негодуя одновременно. Мы подъезжали к моей станции, я подошла к двери, и каково же было моё удивление, когда парень тоже встал к выходу. Он смотрел на меня и улыбался.

Когда двери открылись, молодой человек поравнялся со мной и произнёс:

– Я тебя раньше где-то видел, у меня хорошая память на лица.

Я только удивлённо улыбнулась. На эскалаторе он встал рядом со мной.

– Руслан.

– Мария.

– Очень рад. Странная у тебя реакция на мой пристальный взгляд: взяла и отвернулась. – Я улыбнулась в ответ. – Слышала про игру «ладошки»? Вот ты, например, поднимаешься на эскалаторе, а рядом спускаются люди, и ты хлопаешь по руке встречным пассажирам. Все очень удивляются.

Я рассмеялась. С трудом верилось, что кто-то решится на такое, тем более довольно часто противоположные эскалаторы находятся на приличном расстоянии друг от друга. Но игра мне запомнилась; каждый раз, когда попадают близкие эскалаторы, руки так и чешутся хлопнуть какого-нибудь встречного по ладошке.

Я тогда сэкономила на проезде и от метро ходила пешком. Путь был неблизкий – минут сорок так точно. Но это была вынужденная мера. Парень решил составить мне компанию, к тому же выяснилось, что мы живём недалеко друг от друга.

Мы шли вдоль трамвайных путей и весело болтали. Он всматривался в проезжающие составы и потом изображал самых забавных пассажиров.

На горизонте замаячил торговый центр.

– Пойдём в кино? – неожиданно предложил парень.

– Пойдём! – тут же согласилась я. Мне так нравилось находиться в его компании, что я была только рада возможности оттянуть момент расставания.

В кинотеатре кроме нас практически никого не было. Молодой человек по-свойски закинул ноги на переднее сиденье и начал комментировать всё, что происходило на экране. Выходило у него, по правде сказать, презабавно.

– Смотри, сейчас убьют его жену.

И действительно, в этот самый момент застрелили супругу главного героя. Мой новый знакомый переменился в лице, открыв рот от изумления, но в ту же секунду принял удовлетворённый вид и с усмешкой проговорил:

– Ну, что я говорил? Банальный сюжет.

После кино Руслан повёл меня в кафе. Тогда я познакомилась с прекрасной блинной, которая мне сразу понравилась. Помимо вкусных и сытных блинчиков меня привлекло их нестандартное обращение: «Добрый день, сударыня. Чего изволите?» В городе таких блинных оказалось много, и позже я время от времени навещала одну из них.

Я была невероятно рада неожиданному знакомству. Казалось, этого парня послали мне свыше, чтобы уверить, что я здесь не одна и город мне не враждебен. В тот вечер я отдохнула душой и вдоволь насмеялась.

Руслан проводил меня до дома и взял номер телефона. Но после мы уже не виделись, звонил он редко, ссылаясь на занятость. Потом его номер просто перестал работать, но каждый раз, выходя на своей станции метро, я с надеждой поглядывала по сторонам – вдруг он где-то рядом.

Не успела я приступить к ремонтам в дворцовом стиле, как мне позвонили из косметической фирмы и сообщили, что я прошла собеседование. В тот вечер я прыгала от радости.

Несколько дней проходило обучение, на котором было всего три человека. Нам рассказывали о данной марке и её линейке косметики. Мы учили длинную презентацию наизусть, которую затем попеременно проговаривали друг другу, а уже потом нас «вывели в свет».

Мы работали по очереди в двух старейших торговых комплексах Петербурга. На точке стояло три девушки: две продавали, а третья следила за работой. Мы подходили к абсолютно каждому человеку с подарочной коробкой и сообщали, что сегодня она может стать его подарком. Если потенциальный клиент останавливался, то продолжали хвалить каждую баночку: «И это станет вашим подарком, и то. Всё это станет вашим после... покупки духов».

Если человек отказывался, наступала самая неприятная часть – мы были обязаны «добить» его, заставив купить любой ценой. Я этого делать не умела и не хотела. Ну не нужна человеку гора косметики – зачем наседать? Но когда я отпускала клиента ни с чем, то добивали уже меня: девушка, следившая за нашей работой, бесцеремонно и зло отчитывала за каждого упущенного покупателя.

Время шло, незаметно пролетел месяц. Это время я жила на той же квартире, которую мы снимали с папой, но вскоре хозяйка должна была вернуться с дачи, где проводила лето. Это значило, что мне пора искать новое жильё и съезжать.

Никогда прежде я не сталкивалась со съёмом жилья и не подозревала, что, кроме как на море, это дело пользуется спросом. Хозяйка квартиры, где я жила, дала мне номер телефона

своей знакомой риелтора. Женщина сразу предложила комнату на юге города, убедив, что это единственный вариант, так как к новому учебному году уже всё разобрали.

Ещё до просмотра меня смутила запрашиваемая цена. Нужно было сразу же выложить тридцать тысяч: десять за месяц вперёд, ещё десять в качестве залога и столько же комиссионных риелтору. Родители через каких-то знакомых подыскали квартиру, где просили всего семь тысяч без всяких предоплат, и сначала я отправилась туда.

Когда мне открыли дверь, я ужаснулась – в жизни не встречала такого запущенного жилья. На пороге стояла невысокая женщина с распущенными засаленными волосами и в грязном фартуке. На её лице была запечатлена вселенская печаль, и весь облик хозяйки прямо-таки кричал о несчастье. Её маленькая дочка играла в грязной комнате напротив прихожей.

Ремонт там не делали уже очень давно, квартира трещала по швам. А запах! Несколько котов безостановочно метили все углы, и этот дух прочно въелся в стены и все предметы вокруг.

Я скромно извинилась, объяснив, что жильё мне не подходит, и побыстрее ушла прочь. Мне показалось, что от этих слов женщина стала ещё несчастнее, но, когда я на миг представила, что буду там жить, мне стало плохо и я даже расплакалась – это было слишком.

Я позвонила родителям и объявила, что жить там не смогу. Папа, к моему удивлению, не стал спорить, хотя я знала, что отдать разом тридцать тысяч им будет сложно.

После этого я отправилась смотреть квартиру от риелтора, в которой жила бабуля с собакой и сдавала одну из комнат. Старушка любезно напоила чаем с простенькими печеньками и мило со мной поговорила.

Вроде всё шло хорошо, но что-то мне не нравилось в этой старой женщине и квартире в целом. Здесь, конечно, было лучше, чем в той, что я видела недавно, но чувствовалось, что квартира «бабушкинская», с её раритетной мебелью и старческими запахами.

Только мы побеседовали, как раздался звонок.

– Мария, ну как вам квартира, нравится? Что решили?

Я недоумённо взглянула на бабулю, стоявшую напротив. Вопрос риелтора мне показался очень странным: ведь она утверждала, что больше вариантов нет, и значит, если я сейчас откажусь, то останусь на улице.

Грустно вздохнув в ответ, я согласилась. Оставалось только заключить договор и перетащить сюда свой небольшой чемодан с вещами. Риелтор так и не появилась, бабуля выдала мне нужные бумаги и забрала деньги.

На работе тем временем я всё больше замыкалась, переживая нападки наставницы. Мне было некому излить душу, и я попыталась найти сочувствия у бабули, к которой недавно заехала, но та лишь скупо похлопала по спине и сказала:

– Ничего, ничего, бывает...

Спустя пару дней старушка сняла маску добродетели, показав своё истинное лицо. Возненавидев меня ни с того ни с сего, она на всё установила свои правила. Теперь мне не разрешалось прикасаться к её еде – как она смогла вынести, что я съела в день знакомства два печенья, непонятно. Когда я мыла посуду, старуха стояла за моей спиной со скрещенными на груди руками и комментировала каждое действие.

Ванная после меня должна была блестеть, не дай бог где-то останется хоть один волосок! Стиральной машинкой позволялось пользоваться не чаще одного раза в месяц и только под надзором бабули. Когда же я случайно прожгла её старую жёлтую кастрюлю, то думала, бабка меня приберёт – так она орала...

Начались подготовительные курсы в университете. Занятий было мало, каждый предмет проходил лишь раз в неделю, и я приезжала три раза на пару часов. Но, на самом деле, здесь я отдыхала – никто меня не теребил, не заставлял втихивать косметику, не орала бабка. А самое главное, я оказалась среди своих. С несколькими девочками мы сразу сдружились, две из них

оказались приезжими, как и я. Теперь я видела, что не одинока и есть такие же нормальные люди, которые просто не смогли поступить с первого раза.

Жизнь с бабулей становилась невыносимой. Я задумалась о соседке в свою комнату, чтобы облегчить себе жизнь морально и финансово. Но хозяйке моя идея не понравилась, и она наотрез отказалась.

Более того: в квартире жила собака, которая не давала спокойно поест, вставая на задние лапы и расцарапывая мне колени корявыми когтями. Как-то раз она впиалась в ногу особенно ощутимо, я разозлилась и оттолкнула её от себя.

Бабка, услышав глухой звук и поскуливания, примчалась на кухню с воплями:

– Не трожь мою собаку! Я знаю, ты хочешь её убить, ты постоянно её избиваешь!

Я молча смотрела на разъярённую старуху. Есть перехотелось. Моей единственной мечтой было убежать отсюда подальше, но бежать было некуда.

После очередного занятия в университете я задержалась возле какого-то памятника, присела на холодную скамейку и горько заплакала. Мне было жаль себя, я не хотела идти домой в страхе перед старухой; не хотела идти на работу, устав от постоянных упрёков и навязывания косметики.

Но нужно было как-то зарабатывать, иначе просто не на что было жить. Того, что присылали родители, хватало только на оплату квартиры. Я завидовала студентам, их счастливому времени; даже проезд по городу был для них в разы дешевле, чем отдавала я.

Захотелось позвонить родителям. Трубку взял папа и грубо прервал мои всхлипывания:

– Мы предлагали тебе учиться в Медицинской Академии. Ты сама выбрала этот путь, вот и терпи теперь!

От его ответа мне стало только хуже. Я ждала поддержки, простых слов, что я молодец и со всем справлюсь. Мама лишь подлила масла в огонь, добавив:

– Приезжай тогда обратно, раз не можешь справиться с трудностями!

Но я понимала, что путей отхода нет. Я не могла сейчас всё бросить и ехать домой. Та жизнь – прошлый этап, я не видела своего будущего в родном городе. Просто тогда мне было тяжело, но я знала, что должна выстоять.

Положив трубку, я глубоко вздохнула, взглянула на каменную статую и зашагала к метро.

С работы я уволилась, не в силах больше терпеть бесконечные претензии наставницы. Вся в слезах я позвонила главному менеджеру сообщить об уходе. Её ответ меня поразил:

– Жаль, мы возлагали на тебя большие надежды. Ты просто неадекватно реагируешь на критику.

Но решение уже было принято. Придя за зарплатой, я узнала, что отдел расширили и нескольких девочек-продавцов повысили до менеджеров. Наверное, это и имелось ввиду под «большими надеждами». Неужели я поторопилась с уходом?

Недолго думая, я вернулась к творческому варианту ремонтов в дворцовом стиле, где меня всё ещё ждали. Работала я теперь с утра и допоздна и, вернувшись однажды в одиннадцать вечера, встретила на пороге разъярённую старуху. Только я закрыла за собой входную дверь, как она завопила на всю квартиру:

– Ещё раз придёшь так поздно, и я тебя выгоню, поняла?!

Я молча прошла к себе в комнату и, уткнувшись в подушку, тихо заплакала.

Как-то утром я стояла у холодильника, сонно поглядывая, чем бы позавтракать и что взять на работу. В квартире было темно и тихо, лишь открытый холодильник освещал часть коридора. Закрывая дверцу, я вздрогнула, едва не выронив из рук продукты. Во тьме прямо передо мной стояла старуха, лица её видно не было – лишь напряжённый силуэт едва освещался лунным светом.

– Когда ты собираешься платить за квартиру? – процедила она.

– Сегодня принесу, – залепетала я, – вчера не успела снять деньги с карточки.

Бабуля хмыкнула и зашаркала к своей кровати, а меня всё ещё потрясывало одновременно от испуга и подкатившего смеха. И как только ей удалось так бесшумно подкрасться?

Стоило мне отдать деньги, как на следующий день к нам пожаловали ремонтники. Двое коренастых мужиков в рабочей форме громко обсуждали отделку кухни. Я не узнавала бабулю, казалось, к встрече с ними она даже принарядилась, открыто кокетничая в свои-то семьдесят...

– Похоже, у неё старческий маразм. И огрызается она, потому что видит в тебе конкурентку. Будь ты парнем, она вела бы себя куда приветливее, – сделал вывод папа.

Это мало меня утешало. Я всё больше думала о переезде, но вот куда – непонятно...

Новая работа мне нравилась. Уставшая от приставаний к прохожим и постоянного гнёта наставницы и бабки, здесь я, наконец, свободно вздохнула. В компании я была самой младшей и ощущала себя общим ребёнком. Директор называл меня самой очаровательной сотрудницей, и мне это было по душе.

Моими напарницами оказались очень творческие люди – не зря объявление висело в разделе креативных вакансий. С Оксаной мы подружились в первый же день. Брюнетка с большими голубыми глазами покорила меня остроумием, жизнерадостностью и открытостью. Она окончила художественное училище, но поступить в вуз с первого раза тоже не смогла, поэтому работала и готовилась попытать силы через год.

Татьяна. Мы её называли только так. Высокая, статная, стильная девушка. На работу приходила исключительно на высоких каблуках, всегда одевалась с изыском и вкусом. Особенно мне нравилась её яркая повязка на голове.

Татьяна любила повторять:

– Машуля, ты ещё маленькая, закрой уши, чтобы не слышать наши взрослые разговоры.

Она была удивительно добра ко мне, и я всегда чувствовала её покровительство и защиту.

Миниатюрная Ольга из Молдавии, самая старшая из нас, была дипломированным специалистом по декоративно-прикладному искусству. А Настя, презабавная блондинка, своеобразно смотрела на мир, и мы не всегда её понимали, но относились добродушно.

Однажды к нам в офис пришли на собеседование двое симпатичных молодых людей. Настя, которая ещё секунду назад, сгорбившись, корпела над шлифовкой стены, тут же выпрямилась и заулыбалась во весь рот, превратившись в Мисс Очарование с наждачкой в руке. Мы потом часто припоминали ей этот эпизод.

Это был наш основной состав. Другие сменяли друг друга довольно часто.

Работали по шесть дней в неделю с утра и до позднего вечера. Дорога до офиса была неблизкой и занимала у меня часа полтора, но я с этим смирилась. Целыми днями мы шпаклевали и красили большую комнату, в то время как два других кабинета были давно готовы – их-то директор и демонстрировал всем на собеседованиях. Пока мы работали, он периодически заходил, помогал, подсказывал. У него был особый метод шпаклевания – примерно в пять слоёв, каждый из которых выравнивался правилом.

Здесь я впервые замешивала цемент и затем кидала его на стену. Занятие необычное и весёлое. Особенно мне нравилось наблюдать, как это делал директор. В своём сером деловом костюме с начищенными до блеска остроносыми ботинками он словно играл в пинг-понг со стеной, ловко орудуя маленьким шпателем.

Когда мы наконец докрасили стены, директору вдруг не понравился оттенок, и пришлось шлифовать, грунтовать и красить заново. Как мы догадались позже, ремонт в этой комнате был процессом бесконечным.

Однажды вечером у бабули случился особенно острый припадок ненависти. Она ворвалась в мою комнату с большим фонарём на металлической ручке и, встав на колени, задрала покрывало:

– Я так и знала: ты совсем не прибираешься! Смотри, сколько здесь пыли! – заорала она, потрясывая фонарём. Затем подошла к шкафу, самодовольно провела под ним рукой. Столько ненависти лилось в эти мгновения из её уст, столько желчи.

– Ещё приходила ко мне плакаться из-за своей работы, – усмехнувшись, добавила она. Когда старуха наконец ушла, я бесшумно разрыдалась, чтобы она не услышала.

На следующий день я рассказала обо всём случившемся на работе. Меня успокаивали всем коллективом.

– Да это же настоящая бабка-процентщица Достоевского, – резюмировал наш бригадир Вася.

Директор предложил пожить прямо здесь, в офисе, и я согласилась. В тот же день съездила на квартиру, быстро собрала свои вещи – благо бабки не оказалось дома – и, вложив под матрас записку, покинула это жуткое место навсегда.

В офисе для меня всё подготовили, застелили надувной матрас. Уходя, наша бригадир Марина сочувственно улыбнулась:

– Не переживай, всё наладится. Мы с Васей тоже жили здесь одно время.

Спать на работе странно, неловко и смешно одновременно, но точно нестрашно. После квартиры злосчастной бабки любое место показалось бы мне райским. Ирония судьбы состояла в том, что старуха была химиком, как моя родная бабушка, у которой родители предлагали мне жить во время учёбы в Медицинской Академии, и даже внешне они чем-то были схожи. После окончания школы я так зациклилась на нежелании жить у своей бабушки, что в Питере попала к старухе похлеще.

На следующий день мне позвонила риелтор.

– Мария, как поживаете?

– Ужасно, я больше не могу с ней жить, – я расплакалась в трубку, вспомнив недавний эпизод.

– Почему же, милочка, ничего мне не говорите?!

– Так вы же сказали, вариантов больше нет?

И в тот же день для меня нашлась квартира совсем рядом с той, где мы не так давно жили с папой. Когда я очутилась в знакомом районе, на душе сразу стало радостно, а войдя в квартиру, сразу поняла – да, это она.

Мы стояли на кухне: хозяин, молодой высокий мужчина в очках, парень-риелтор и взрослая пара, приехавшая из Молдавии: тучная женщина и худосочный мужчина. Из мебели стояла только электрическая плита. На ней мы и заполняли договор.

– Я только не знаю, как вы поделите комнаты... – озадаченно произнёс хозяин квартиры.

– Нам с балконом! У меня муж курит, – сразу же ответила женщина.

Я промолчала, сейчас это было неважно.

В тот же день я переехала на новое место. Соседи не торопились заезжать, хозяин жил в другом месте, а ещё одна пустая комната принадлежала какой-то женщине, которая там не жила. Я была одна в целой квартире! О таком блаженстве я не смела и мечтать. У самого дома стоял большой продуктовый магазин, а через дорогу – тот самый торговый центр, куда я ходила в кино и блинную вместе с Русланом.

В моей новой комнате были лишь голые стены, благо хоть с обоями и линолеумом на полу. В углу стояла пара коробок с тарелками и столовыми приборами – хозяин квартиры отмечал здесь Новый год семьёй и так и не забрал посуду.

Положив рядом с коробками свой чемодан, я первым делом отправилась в магазин, купила салат из морской капусты, воды и печенье. Выложила всё это на подоконник и, глядя на окна соседних домов (больше здесь ничего и не было видно), немного утолила голод.

В квартире стояла звенящая тишина, но меня это только радовало. Я разложила на полу практически всю одежду. Любимая кофта стала подушкой, а куртка с футболками – матрасом. Я с улыбкой взглянула на получившееся ложе и, удовлетворённая результатом, легла спать.

На следующий день я приобрела надувной матрас и постельное бельё. Верхнюю одежду я вешала на ручку окна, правда, она не всегда на ней держалась. Шкафом мне служил чемодан. Соседи где-то раздобыли старой мебели в кухню: комод, пару табуреток, одну из которых отдали мне, небольшой холодильник и немного посуды, разрешив мне всем этим пользоваться.

Жить стало намного веселее. Молдаване трудились в поте лица и потому дома бывали крайне редко, а когда приходили, их практически не было слышно, хотя стены в доме выглядели картонными.

У двери в мою комнату не было ручек, и чтобы хоть как-то открывать её, хозяин вставил с одной стороны ключ. Одним прекрасным вечером, как только я вошла к себе, дверь с грохотом захлопнулась из-за сквозняка. Ключ остался с другой стороны, в квартире никого не было. Было уже поздно, я решила, что утром что-нибудь придумаю, и легла спать.

Проснувшись, я прислушалась – соседи так и не появились. Я запаниковала. Позвонила хозяину квартиры, но тот ответил, что в ближайшее время подъехать не сможет. Хотелось рвать и метать – я оказалась в западне в собственной комнате, и помощи ждать было неоткуда. Вдобавок ко всему организм настойчиво требовал опустошить мочевой пузырь. Я дёрнула дверь, но ключ, вставленный с другой стороны, не давал провернуть замок.

Я огляделась по сторонам. Что же делать? Взгляд остановился на коробках с посудой, которые хозяин квартиры до сих пор не забрал. Я склонилась к одной из них и заглянула внутрь. Среди тарелок лежал нож. Недолго думая, я схватила оружие и вонзила в самое сердце.

Шучу. Прдела его в отверстие между дверью и стеной и попыталась задвинуть замочный язычок обратно в дверцу. Медленно, но упорно я ковыряла замок ещё и ещё... И – о, чудо: замок поддался, металлический кончик вылез из стены, и я смогла открыть дверь.

Моей радости не было предела. Я тут же вытащила второй ключ и пообещала себе впредь быть внимательней с этой дверью. На самом же деле, буквально через несколько дней история повторилась, но на этот раз я осталась в коридоре. Меня спасло то, что через пару часов пришли соседи.

– Сидишь? – улыбнулся мужчина.

– Ага, – вздохнула я.

– Посторонись немного.

Молдаванин отошёл на несколько шагов и с размаху выбил дверь.

– Готово, – радостно оповестил он. – Завтра сделаю тебе нормальные ручки, а пока пойдём к нам пить чай.

Так я впервые побывала в комнате соседей. Здесь стоял всего-то старый шкаф да небольшая кровать со столиком. Пока мы угощались чаем со скромными лакомствами, молдаване рассказали историю своего знакомства. Оказалось, что встреча произошла не так давно – и кто бы мог подумать – в поезде. На тот момент у каждого уже была своя семья, но после поездки они не смогли разлучиться. Оба развелись и вдвоём уехали в Петербург на заработки.

На следующий день мне снова позвонила риелтор:

– Добрый день, Мария. Рада, что новое жильё вам понравилось. Но я по вопросу залога, который вы платили за первую квартиру. Я переговорила с хозяйкой. Она сказала, что вы прожгли её кастрюлю, и потому вычла из суммы 900 рублей.

– Но ведь это была старая посуда! Она столько не стоит! – запротестовала я.

– С этим я ничего не могу поделать. Моя подруга, через которую мы познакомились, передаст вам деньги. – Женщина немного помолчала. – И ещё... Хозяйка рассказала мне о записке, которую нашла в матрасе. Не ожидала от вас такого. Это же уважаемая пожилая женщина. Как вам не стыдно называть её старухой-процентщицей?

Хорошо, что мы говорили по телефону и собеседница не могла видеть моего в момент покрасневшего лица. Я уже тысячу раз пожалела о той записке, но, когда покидала злосчастную квартиру, мне нужно было высказать старухе всю горечь и злость, что скопились в душе, хотя бы на бумаге.

Подругой риелтора была женщина, у которой мы жили с папой в первый месяц в Петербурге. Она позвонила сама и при встрече удостоила меня лишь холодной улыбкой. Я не сомневалась, что старые приятельницы успели обсудить «интересный случай». В подтверждение моих догадок на меня полилась гневная тирада, и всё из-за треклятой записки. Прохожие с любопытством оборачивались, а мне хотелось провалиться сквозь землю.

Когда она, наконец, закончила и отдала конверт с деньгами, я едва слышно произнесла извинения и скорее побежала прочь, в сотый раз ругая себя за опрометчивость.

На следующий день по дороге домой моё внимание привлекла группа ребят. Они стояли на выходе из метро и о чём-то оживлённо беседовали. По телу пробежала дрожь, я не верила своим глазам. Незаметно подкравшись, я настойчиво постучала по плечу парня, стоявшего спиной. Он обернулся и замер в изумлении.

– Маша? Как ты тут очутилась? Привет!

– Я снова тут живу, прямо возле твоего дома... – проговорила я, всё еще не веря, что это тот самый Руслан, с которым мы познакомились пару месяцев назад.

– Да ладно? Как я рад тебя видеть! Нам обязательно нужно встретиться. Дай свой номер.

Я продиктовала, уверенная, что он не позвонит. Мы попрощались, и я зашагала домой, поражённая этой встрече. Как в таком большом городе можно случайно встретиться? В родных краях подобные встречи были в порядке вещей, но там живёт всего 50 тысяч человек. А здесь 5 миллионов!..

Руслан не звонил день, два. Наконец я не выдержала и набрала сама.

– О, привет, Машуля!

– Кто-то говорил, что созвонимся обязательно? – шутя возмутилась я.

– Замотался...

– Ладно, можешь мне не врать.

– А тебя не проведёшь, – засмеялся он в ответ. – Пойдём прогуляемся? Ты дома?

– Да, давай, – едва сдерживая радость, ответила я.

– Диктуй адрес.

Быстро собравшись, я выбежала на улицу. Руслан уже стоял у подъезда. Мурашки побежали по всему телу от одного его взгляда.

– Какая же ты красивая, – восхитился он.

– Правда? – я зарделась от смущения.

– Конечно! Почему, думаешь, я так уставился на тебя тогда в метро?

Он галантно подставил согнутый локоть, и я взялась под руку. Было уже около десяти вечера. Мы отправились в тот самый торговый центр, где были в первую встречу.

– Пойдём посмотрим мне кроссовки, – предложил он. Я кивнула. Мне было так хорошо рядом с ним, что не имело значения, куда и зачем идти.

Отделы уже готовились к закрытию, всюду намывали полы. Мы зашли в ближайший обувной магазин и, пройдя к прилавку, заметили, что беззастенчиво наследили. Консультанты только притворно улыбались – они не имели права делать замечания потенциальным клиентам.

Изобразив скучающие лица, мы отправились дальше. Так мы прошли несколько магазинов. Было неловко и в то же время забавно видеть оставленные нами следы, тянущиеся по начищенному полу витиеватой змейкой. Руслан веселился от души и так ничего и не купил.

Молодой человек вызвался меня проводить. Не доходя до подъезда, мы остановились и с минуту смотрели друг другу в глаза, не зная, что сказать. Повисло неловкое молчание. Так не хотелось его отпустить; что-то подсказывало, что это наша последняя встреча. Он накло-

нился, словно хотел поцеловать, но я так быстро отвернулась, что трудно было понять, показалось мне это или же нет.

Руслан обхватил меня руками и прижал к себе, да так крепко, казалось, я слышала хруст. Так мы стояли с минуту, затем он отстранился, махнул рукой и пошёл через двор. Я смотрела вслед, пока его силуэт не слился с темнотой.

На работе нас с девочками теперь отправляли на объекты. На первом, в новом, ещё не жилом, доме было очень холодно. Нам выдали одну тепловую пушку на всех; девочки всегда смеялись, что я никак не могла запомнить её название. Я постоянно грелась возле неё и старалась ставить рядом с собой. Помимо отопления не хватало и других удобств: не было ни нормального туалета, ни проточной воды.

На обед мы с Оксаной покупали вкусные булочки со сгущёнкой и салатки. Наша прораб Марина, суровая девушка, проработавшая в компании почти год, любила повторять, что на работу я прихожу поесть: с самого утра жду обеда, да и в целом единственная, кто вечно голодна. Готовить мне просто-напросто было некогда: я возвращалась домой поздно с единственным желанием – скорее упасть в кровать. Жарила уже под ночь замороженные блины с мясом или творогом, заедая сладкими печеньками, и ложилась спать.

Вторым объектом стала просторная квартира на Приморской с видом на Финский залив. Мы с Оксаной часто останавливались возле окна взглянуть на открывавшуюся красоту и поразглядывать шикарно обставленные лоджии соседних домов, мечтая о такой же квартире.

Был ещё и третий объект, где мы работали дольше всего. Новый высокий кирпичный дом выделялся на фоне стареньких грязно-жёлтых построек и хрущёвских панелек. Здесь я впервые увидела на входе консьержа и большие зеркала в лифте. Весь дом был утыкан камерами, на многих этажах шёл ремонт.

Квартира, в которой мы работали, принадлежала какому-то учёному, и наш директор очень гордился этим объектом. Здесь была полная перепланировка, меняли даже межкомнатные стены. С утра до ночи я усердно шпаклевала стены и потолок. С ним было особенно тяжело – безумно уставали спина и шея, и было сложно проводить длинным тяжёлым правилом по потолку, выравнивая очередной слой. Меня также постоянно преследовал страх, что шпаклёвка когда-нибудь свалится мне прямо на голову. Однажды так и случилось – хорошо, что я работала в косынке.

В этой квартире я тоже любила стоять у окна, рассматривая окрестности. Дом располагался в удивительно тихом месте, через дорогу виднелся огромный парк, напоминавший настоящий лес. Справа от дома торцом стояло какое-то старое жёлтое здание. Я часто наблюдала, как на подоконнике последнего этажа сидела молодёжь.

Как-то наша прораб Марина, проходя мимо, поймала мой взгляд и пояснила: «Это общежитие». Название вуза я не запомнила, но в последующие разы смотрела на этих ребят уже с грустью – как же мне тогда тоже хотелось быть студенткой...

На этом объекте с нами работал довольно странный парень. Он был молчалив, скрытен и явно равнодушен ко мне. Однажды во время обеденного перерыва мы остались одни. Я стояла на столе и шпаклевала стену, а парень тем временем работал в соседней комнате. Он подкрался незаметно, с безумным хохотом схватил меня за ноги и начал говорить что-то нечленораздельное. Ужасно перепугавшись, я не знала, на что опереться, чтобы не свалиться.

– Отпусти меня, отстань! – кричала я, дрожа от страха – кто знает, что в голове у этого безумного?

В этот момент открылась входная дверь – вернулись девочки. Парень тут же отскочил в сторону. Директор потом строго поговорил с ним, и этот маньяк больше ко мне не приближался, но не переставая пялился голодными глазами.

Близился Новый год, я в предвкушении ждала дня, когда, наконец, отправлюсь домой на каникулы. Билет был куплен на 23 декабря. Собрав скопленные мною крохи, я накупила подарочков и, счастливая, помчалась в родные края.

Сестра, увидев меня, ахнула, а друзья и родные при встрече восклицали, как я похорошела. Всё это было подозрительно. Встав на весы, я ужаснулась – за четыре месяца я набрала десять килограммов! Полуночные блинчики с печеньками не прошли даром. А ведь звоночки были. Я просто не обращала внимания, что кисти рук попухтели, бюстгальтер застёгивался с трудом, собирая кожу в складки, появилась одышка и не свойственная мне ранее проблема – протирание внутренней поверхности бедра аж до жжения.

Незаметно для себя я располнела. Когда смотришься в зеркало каждый день, то кажется, что всё как прежде. Только приехав домой, я увидела, что со мной что-то не так. Вериной радости не было предела – склонная к полноте, она всегда с завистью отзывалась о моей худобе, называя меня ведьмой. Теперь же она с довольным видом рассматривала меня и особенно мой живот.

По приезду я пошла в баню и ужаснулась, увидев свои располосованные бедра. Тёмно-бордовые линии по всей поверхности, словно меня исцарапал тигр. Мама, выслушав мой волнительный рассказ, рассмеялась:

– Маша, это растяжки! Со временем побледнеют и станут незаметны.

С тех пор на замороженные блинчики было наложено табу, как и на перекусы на ночь глядя. После этого я на удивление быстро вернулась в свои прежние формы.

Каникулы пролетели молниеносно, пора было возвращаться в Петербург. Из дома, где тепло и сытно, где тебя любят и ты просто такой, какой есть, снова возвращаться туда, в холод, сырость, в одинокую квартиру и пугающую взрослую жизнь. Я смотрела с тоской на удалявшиеся родные края, и слёзы текли по моему лицу.

Глава 3. Выжить любой ценой

По возвращении в Питер я стала думать о соседке, чтобы меньше платить за комнату. Вот только где её искать, непонятно. На работе Оксана застала меня врасплох:
– Маш, слушай, ты случайно соседку не ищешь? Моей подруге жить негде.
Я не верила своей удаче:

– Вот это новости!

Уже на следующий день Оксана с подругой стояли на моём пороге. Девушка походила на цыганку: худощавая и смуглая, с большими карими глазами и длинными чёрными волосами.

– Маша, познакомься, это Лена. Лена, это Маша. Теперь вы будете жить вместе, – торжественным голосом произнесла Оксана, и мы хором расхохотались.

Девочки ещё со времён учёбы в училище стали лучшими подругами. Лена тоже не смогла поступить в этом году и теперь просто существовала в ожидании новой попытки. Полной неожиданностью для меня стало то, что она моя землячка, хотя не так давно её родители переехали в Подмоскowie.

Оксана была бы рада поселить подругу у себя, но сама ютилась вместе с мамой в малюсенькой студии на отшибе города. Так в моей жизни появилась Лена. Поначалу мы общались мало, я с осторожностью приглядывалась к новой знакомой. Но вскоре привыкла к ней, и с каждым днём она нравилась мне всё больше.

Тем временем на работе пришла пора подсчитывать, сколько же я заработала.

Нам, новеньким, причиталось по 10% от сделанной работы, потому как мы ещё только обучались. Со шпаклёвкой была сложная история, ведь она наносилась в несколько слоёв, и не всегда их делал один и тот же человек. И, конечно, была важна скорость, а я работала медленно.

Мы сидели с Мариной над калькулятором и старательно подсчитывали всё, что я успела заработать. Волнительная пауза после нажатия «=». И что я увидела? За целый месяц работы шесть дней в неделю с утра и до позднего вечера мне причиталось пять тысяч рублей! Всего лишь жалкие пять тысяч. Я на проезд и то больше потратила.

Остальные девочки заработали немногим больше моего. Понятное дело, что мы там не задержались. Как выяснилось, в этой фирме никогда больше половины от сделанной работы было не получить, всё остальное шло директору. Но и до этих 50% надо было работать и работать. Теперь стало ясно, почему так вкалывают Марина и её парень Вася – иначе просто останешься ни с чем.

Но я всё равно была благодарна за время, проведённое в этой фирме, ведь я познакомилась с такими интересными людьми, с которыми ещё долгое время поддерживала связь.

С появлением Лены жить стало намного веселее. Хотя мы и пребывали в бедственном положении, она всегда находила повод для шуток. Каждая её история о походе на собеседование превращалась в умопомрачительный моноспектакль, во время которого я хохотала до слёз.

Благодаря Лене я стала больше читать, хотя не так давно с трудом могла осилить школьную программу. У неё было несколько книг, с которыми девушка познакомила и меня. Чтение оказалось удивительным лекарством в то непростое для нас время, оно открывало двери в настоящую насыщенную жизнь, которой мы были лишены.

Вскоре я стала по чуть-чуть покупать книги сама. Мне приглянулся Дворец культуры им. Крупской, который оказался настоящим раем для книголюбов.

С Леной я полюбила «Наше радио», хотя поначалу противилась её предпочтениям. Радио на телефоне было только у меня, и она часто просила переключить на русский рок. Я соглашалась с большой неохотой, но постепенно открыла для себя много прекрасных песен.

Надувные матрасы были основным местом нашей локации, а единственная табуретка служила столом, поэтому мы всегда ели по очереди.

С этими матрасами была целая история. Мой вскоре начал пропускать воздух. Мне приходилось подкачивать его каждый раз, перед тем как лечь спать. По утрам я неизменно просыпалась в ямке с остатками воздуха по периметру, а вскоре матрас стал совсем плох, и я надувала его даже посреди ночи. Лена потом смеялась, вспоминая свистящие и ухающие звуки в ночной тиши.

Когда матрас окончательно сдулся, я купила себе новый, на этот раз более качественный. Лена, зашивая как-то платье, не заметила, как воткнула иголку прямо в матрас. Дважды. Позже она поняла, что натворила. С тех пор смеялась уже я, глядя на её каждодневные манипуляции с насосом.

Я снова обратилась в промоутерство, но акций было мало, и меня приглашали редко. Когда стало совсем туго, девочки с подготовительных курсов позвали к себе. Аля и Катя подрабатывали тем, что раздавали листовки в дорожных пробках. Платили здесь сразу, работа утром и вечером по четыре часа. По правде говоря, мне совсем не хотелось этим заниматься, но от безысходности я согласилась.

Начались суровые будни. Раздача листовок в пробках зимой – это нечто. Зима в тот год была тёплой, но нас обычно ставили возле набережных, откуда всегда дул сильный ветер. Я надевала на себя несколько слоёв одежды, и в путь. Пуховика у меня не было и денег на него тоже, поэтому всю зиму я проходила в тонком тёмно-коричневом пальто. Подруга, которая теперь жила в Москве, отдала мне свой огромный ярко-розовый шарф с пышными кисточками на концах. Он был такой длинный, что, обмотанный вокруг шеи несколько раз, свисал до колен. Такой красоткой я вышагивала между машинами каждый раз, когда загорался красный сигнал светофора.

Мы работали по двое на больших перекрёстках в самый час пик. Листовки брали у нас только из жалости, это было унижительно, но надо же как-то выживать. Вскоре ко мне присоединилась и моя соседка Лена. Она однажды точно подметила:

– Такое чувство, что предлагаешь не листовки, а себя: «Вам нужно? Нет? А может, вы возьмёте?»

Иногда на небольшие перекрёстки нас отправляли по одной. Вот тогда было совсем тоскливо – долгие холодные четыре часа, казалось, длились целую вечность.

Как-то раз мы заметили парня, который тоже что-то раздавал. Он держался в стороне и даже не смотрел в нашу сторону. Его брошюры брали охотно, не то что наши суши и пиццы.

Любопытство взяло верх, и мы пошли знакомиться. Парень протянул нам свои листовки. Моя напарница выдала нервный смешок, я же жутко покраснела. Теперь стало понятно, почему некоторые водители, завидев меня с листовками, странно улыбались, интересуясь, есть ли там я.

Наш начальник Дима был невысоким мужчиной лет тридцати. Аля с Катей постоянно с ним кокетничали, чему тот был явно рад. Ещё бы: мы несомненно выделялись на фоне основных работников – грязных, хмурых, понурых лиц. Он был добр к нам, но проверял работу со всей тщательностью. Если кого-то не было на месте или ходили не каждый светофор, штрафовал.

Иногда мы шефа даже не видели, но проверял он частенько. Дима сразу же выгонял тех, кто пытался раздавать по две разные листовки, то есть работать одновременно ещё на кого-то и потом получать двойной заработок.

В один из непримечательных дней, как обычно проходя между рядами машин, я заметила пристальный взгляд. Когда я подошла ближе, водитель опустил стекло и с улыбкой проговорил:

– Девушка, поработаете на меня? Нужно здесь же раздавать листовки моего мини-отеля, расположенного за углом. Плачу 500 рублей за два часа работы, – и протянул мне визитку.

Я растерянно двинулась дальше.

– Подумайте, – крикнул он вслед.

Вечером мы с Леной по очереди вертели в руках ярко-красную визитку, размышляя, согласиться или нет. На свой страх и риск мы всё-таки решили попробовать – уж больно приятательной была плата. Но теперь я часто испуганно озиралась по сторонам, страшась встретить прежнего начальника Диму, ведь мы его словно обманули и предали.

На новом месте мы проработали недолго. Парень, который, как и мы, должен был раздавать листовки этого мини-отеля, забирал деньги и преспокойно уходил домой, не проработав ни минуты.

Когда работодатель прознал об этом, то страшно разозлился и решил, что мы с Леной такие же недобросовестные, раз до сих пор люди не ринулись в его заведение. Он начал понижать плату, каждый раз бранясь, что от нас нет толку, так что вскоре мы с Леной просто сбежали на прежнее место. Дима будто и не заметил нашего отсутствия и был нам рад.

Иногда я работала весь день, то есть ходила и в утренние, и вечерние пробки. Домой в перерыв съездить не успевала, поэтому приходилось сидеть в метро, пытаясь хоть немного отогреться. Гуляющие ветра от проходящих поездов этому не способствовали, скорее, наоборот. Трясаясь от холода, голодная, я снова шла в пробки, всё больше ненавидя запахи выхлопных газов.

С деньгами у Лены дела обстояли куда хуже, чем у меня. Она сидела на одних лишь макаронах, притворно улыбаясь, будто ужинает деликатесами. Хорошую работу ей найти не удавалось, поэтому за неделю до оплаты квартиры она целыми днями раздавала листовки. Возвращаясь поздним вечером домой, Лена доставала свои кровно заработанные 800 рублей, складывала в коробку из-под чая и без сил падала на матрас. После таких марафонов она выглядела совсем несчастной.

Моей отрадой были танцы. Пока никого не было дома, я вставляла наушники, находила на радио мелодию и самозабвенно танцевала в своей комнате либо в просторной кухне. В эти моменты я не чувствовала одиночества, тревог и печали, все трудности становились незначительными, я была по-настоящему счастлива. Казалось, я не просто передвигала ногами и взмахивала руками – я летала! Парила над городом, над его суетой, оставив все заботы. После танцев я чувствовала удивительную лёгкость, ко мне возвращалась радость жизни и уверенность в завтрашнем дне.

Не помню, как долго я проработала в пробках, но хорошо запомнила последний рабочий день. Меня отправили одну на небольшой перекрёсток Петроградки. Прошло два часа, я уже подустала. Загорелся очередной красный свет для машин – мой выход. Я шагнула на проезжую часть, как вдруг автомобиль возле меня тронулся с места, больно ударив в бедро.

Удар был несильный, но меня охватила страшная паника. Я тут же развернулась и побежала в метро, села на ближайшую к эскалатору скамейку и разрыдалась. Дрожа от страха, решила, что на сегодня с меня хватит. Чтобы не встретиться ненароком с Димой, проехала на метро две станции, где и просидела оставшееся рабочее время.

На обратном пути я очень боялась, что мне заплатят только половину или вовсе отправят ни с чем. Однако Дима как ни в чём не бывало выдал всю сумму. Улыбаясь, он как всегда поблагодарил за работу и попрощался до завтра. Я выдохнула с облегчением, но на следующий день не пришла. И потом тоже...

Наши соседи, семейная пара из Молдавии, работали не поднимая головы. Женщина смогла совместить работу фасовщицы и уборщицы с одинаковым графиком два дня через два. Но тем самым она осталась без выходных и так загнала себя, что без слёз не взглянешь.

Соседка выглядела очень несчастной и без конца жаловалась на жизнь. На Родине у неё остался маленький сын, которому она отправляла большую часть зарплаты. Мужчина работал в ремонтной сфере, он нравился мне своим жизнелюбием, но в последнее время начал выпивать. Мы с Леной всё чаще становились свидетелями семейной драмы: в те редкие часы, когда они оба бывали дома, шла непрекращавшаяся ругань. В итоге женщина его выгнала.

Весной у Лены окончательно закончились деньги и силы на то, чтобы с таким трудом их добывать, поэтому она решила съездить домой отдохнуть. Я осталась одна. За то время, что мы жили вместе, я так привыкла к её обществу, что с отъездом подруги стало грустно. Теперь мои дни проходили в полной тишине.

Глава 4. «Блинная» любовь

Незадолго до дня рождения мне позвонили из рекламного агентства и пригласили поработать на акции моей любимой блинной. Я согласилась в надежде на халявные блинчики, но всё оказалось не так просто. Работа заключалась в простой раздаче листовок возле заведения по утрам. Отказываться было уже поздно, да и деньги были нужны, поэтому я согласилась.

Началось распределение точек между промоутерами. Когда очередь дошла до блинной недалеко от моего дома, между девочками началась настоящая война – две или три из них тоже жили неподалёку. Я не из бойких, поэтому просто промолчала и согласилась на то, что

осталось – блинную в другой части города. Там мне бывать ещё не доводилось, благо что она находилась прямо напротив метро.

В первый рабочий день было довольно прохладно. Отыскав нужную блинную, я подошла к раздумявшимся тётечкам-пекарям, которые уже всю орудовали у плиты. Радужно поздоровавшись, они выдали мне фирменную накидку и пачку рекламных листовок.

Я встала неподалёку, вытянула руку с яркой бумажкой и, улыбаясь спешащему к метро народу, заговорила заготовленный текст. Редко кто брал листовку, в основном все отмахивались, отрицательно мотали головой или просто делали вид, что меня здесь нет. Мой тихий голос растворялся в городском шуме, но я старалась не отчаиваться, успокаивая себя, что всё это ненадолго и уже через пару часов я поеду домой.

Мне оставалось отработать минут пятнадцать, когда возле блинной остановился высокий белокурый мужчина. Сразу было видно – начальник. Краем глаза я заметила, как он, поговорив с сотрудницами, направился ко мне.

– Добрый день. Как работается? – услышала я дружелюбный голос.

Козырёк кепки надёжно прятал моё лицо, отчего мы с собеседником увидели друг друга, только когда я подняла голову.

Моему взору предстал статный голубоглазый блондин выше меня на голову. Беспроводная гарнитура в одном ухе добавляла ему деловитости. Такой красивый и презентабельный, он сразу очаровал меня.

Я радостно защебетала:

– Здравствуйте! Всё хорошо. Много листовок сегодня раздала.

Сначала он посмотрел на меня как-то странно, растерянно пробормотав: «Хорошо», затем, словно очнувшись, заговорил как прежде:

– После работы подойдите к девочкам, они угостят вас блинчиком и чаем.

– О, спасибо! – возликовала я.

Моему счастью не было предела. Сбылась мечта голодного ребёнка – я всё-таки поем этих чудесных блинчиков!

– Ты же, бедняжка, вся замёрзла. Держи, отогревайся, – одна из женщин заботливо протянула мне горячий мясной блинчик и стаканчик с чаем.

Я тут же забыла все трудности, пережитые в эти часы, и, попрощавшись до завтра, довольная, поехала домой. Теперь я была даже рада, что меня отправили в такую дальнюю блинную, ведь никто не знает, угостили бы меня в другом месте горячим обедом или нет.

Все последующие дни меня неизменно потчевали блином с чаем. Женщины за прилавком лукаво улыбались, намекая, что я приглянулась их начальнику. Я смущённо отмахивалась в ответ, не веря, что способна очаровать такого мужчину.

Когда я в очередной раз подошла к окошку попрощаться с моими кормилицами, те вручили мне блинчик и... пакет.

– Это тебе наш главный передал.

Я заглянула внутрь и, поблагодарив дам, на седьмом небе от счастья полетела домой. В пакете лежал плюшевый мишка.

В ту ночь я так и не смогла заснуть – рой мыслей не давал покоя. Никогда прежде со мной такого не случалось. Я была безмерно рада и всё не верила своему счастью.

Уже следующим утром раздался звонок, и виновник моей бессонной ночи, Григорий, радостно заговорил:

– Мария, доброе утро! Давайте сегодня встретимся.

– Давайте... – еле выговорила я от волнения.

Как безумная, я металась в тот день по комнате, волнуясь от предстоящей встречи. Как жаль, что рядом не было Лены, её трезвость ума мне бы тогда не помешала.

В назначенный час мы встретились возле моего дома. Машина у Григория была очень даже скромная – белая «девятка». Сначала мы объехали блинные, которыми он управлял – мужчина проверил работу, заполнил каждодневные отчёты. Я заметила, что все сотрудницы с любопытством поглядывали в мою сторону, но мне было всё равно – я всё ещё пребывала в эйфории нереальности происходящего. После очередной проверки он принёс завернутый горячий блинчик и бутылку кваса.

– Поешь, ты наверняка проголодалась.

Я поблагодарила его и принялась уплетать божественные блинчики, пока Григорий рассказывал о себе. Он приехал из Беларуси в Петербург на заработки. Начинал обычным пекарем блинов, но вскоре блинная разрослась, и его повысили до управляющего.

– И вот однажды, в мой законный выходной, позвонило начальство с просьбой проверить, как работает в первый день промоутер. Как же мне не хотелось ехать... Но, веришь или нет, когда ты подняла на меня глаза и улыбнулась – я сразу влюбился.

Вот, оказывается, в чём причина того непонятного замешательства при знакомстве. Так началась моя дружба с управляющим блинными.

Однажды Григорий привёз меня в гипермаркет со словами: «Бери, что хочешь». Мне, вечно голодной, сказать такое! Глаза разбегались от изобилия, поначалу я неуверенно брала что-то с прилавков и виновато обращалась к дарителю: «Можно?»

– Конечно, бери! Не спрашивай, – добродушно отвечал он.

Постоянно себя ограничивая и экономя даже на необходимом, я впервые набрала всего, о чём до этого смела только мечтать. Я побежала к салатикам, которые манили меня при каждом походе в магазин, и выбрала самый большой контейнер. Набрала сухих завтраков, шоколадок, фруктов, йогуртов и колбасы. Кое-как потом уложила это всё на единственной выделенной мне полке в холодильнике. Глядя на это изобилие, снова вспомнила Лену – как бы она сейчас обрадовалась!

После недельного перерыва акция продлилась ещё пару дней, в последний из которых нам ужасно не повезло с погодой. Все два часа шёл проливной дождь, сопровождаемый сильным ветром. Мои штаны такого не выдержали и промокли сзади насквозь.

Григорий любезно предложил погреться в ближайшем кафе, а после на метро проводил до дома. Зря я радостно подбежала к освободившемуся месту в вагоне – потом было ужасно неловко вставать, ведь сырые джинсы оставили мокрый след на сиденье. Хорошо, что я была не одна – удалось быстро прошмыгнуть вслед за кавалером.

Потом была поездка к заливу. Уже вечером мы отправились за город. Ехали долго и, похоже, проехали нужное место. Заехав в какие-то дебри, Григорий с досадой плюнул – машина застряла, а залив даже не было видно.

Закат благополучно «закатился», но мы этого зрелища не застали. Кругом лес, темно и холодно, а Григорий всё тщетно шаманил над машиной. Я, не придумав ничего лучше, легла на заднее сидение и закрыла глаза – спать уже хотелось невероятно.

Вскоре мы всё же выбрались. Я пересела на переднее сиденье, и мы двинулись в обратный путь.

– Какая ты удивительная девушка!

– Это почему?

– Не стала устраивать истерики, когда мы застряли посреди леса, а молча пошла спать.

– А, это, – улыбнулась я, – так чего уж тут поделаешь.

Через пару дней он пригласил на знаменитый развод мостов. Прежде у меня не было возможности увидеть эту достопримечательность, и я, разумеется, согласилась. Григорий был на машине и обещал потом подвезти до дома.

И вот мы стоим на набережной возле Зимнего дворца. Григорий приобнял меня за талию, мосты начали разводиться... А я ничего не чувствую. Вроде вот оно, смотри и радуйся! Люди

со всего мира едут, чтоб увидеть это зрелище, а я стою как истукан. Мне холодно от пронизывающего ветра с Невы, ужасно хочется спать, толпа людей нервирует. Нет ни сказки, ни волшебства, ни красоты, ни восторга, переполняющего сердце.

Досадуя, я повернулась к Грише и сказала, что хочу домой. На что он ответил совершенно неожиданно:

– Так мосты разведены, я не смогу увезти тебя как минимум до утра.

От изумления у меня отвисла челюсть.

– Что?! Почему ты сразу не сказал?

– Ничего страшного, переночуешь у меня.

– Как это у тебя? Нет. Я хочу домой. Мы так не договаривались!

Но Гриша уже всё решил. В отличие от меня выглядел он очень даже счастливым. Что-то мурлыкая себе под нос, мужчина побежал в магазин, пока я сидела в машине темнее тучи от злости.

Вернувшись, он бросил пакет с продуктами на заднее сиденье, а потом неожиданно склонился ко мне. Было темно, и я не успела понять, чего он хочет, как вдруг его губы накрыли мои.

Это был мой первый поцелуй.

Теперь я злилась пуще прежнего – Гриша словно украл его. Столько лет я берегла первый поцелуй для настоящей любви, каждый раз уворачиваясь от ухажёров. Ведь я видела, как романтично он совершается в кино и моих любимых диснеевских мультфильмах, и мне хотелось такой же сказки. А тут!

Мало того, что в тот момент я не испытывала ничего кроме возмущения, у меня к тому же была грязная голова, которая теперь останется в воспоминании на всю жизнь. Ещё Гриша нелепо врезался в козырёк моей кепки, и, в довершение, единственная мысль, которая посетила меня в тот момент, была: «Как мерзко! Неужели это и есть поцелуй?» Больше походило на то, что меня лизнула собака, облизавив всё лицо. Но ничего из этого я ему не сказала.

Гриша повёз меня к себе. Он снимал комнату в паре шагов от метро, в исторической части города. Казалось бы, какая здесь архитектура, красота. Но когда я увидела его квартиру, то оторопела уже на входе: огромная старая коммуналка времён Петра I. Ремонт здесь, похоже, никто и не думал заниматься, наверное, нельзя – историческая ценность же. Туалет выглядел, как в деревне, с той лишь разницей, что находился в здании.

Было неприятно прикасаться ко всему, что находилось в этом доме. Всё выглядело обшарпанным и, казалось, разваливалось прямо на глазах.

Мой взгляд зацепился за большую картину, висевшую над диваном. Красивая девушка сидела спиной к зрителю, слегка повернув голову в сторону.

– Плохая картина, – заметила я. – Понятно, почему у тебя до сих пор нет девушки. Она ведь даже не смотрит на тебя!

Гриша выделил мне диван, а сам расположился в кресле. Не раздеваясь, я сразу легла и отвернулась к стене. Во мне кипело негодование, заснуть не получалось. Вдруг я услышала скрип старого паркета, а затем шорох за моей спиной – Гриша без ложной скромности улёгся рядом.

– Не приставай ко мне, понял? – грозно прошипела я.

– Не буду, просто полежу с краю, – пролепетал он в ответ.

Забившись в угол дивана, я всё-таки заснула, а наутро горе-кавалер признался, что обманом заманил меня к себе – по одному мосту всё же можно было добраться до моего дома. Как я была зла! Этот мужчина нравился мне всё меньше, но я отчаянно гнала тяжкие мысли, виня во всём исключительно себя.

Наступил мой день рождения. Гриша с утра пораньше примчался ко мне, чтобы вручить подарок. Я спустилась вниз и села к нему в машину.

– Мария, поздравляю! Держи мой скромный подарок.

Он протянул мне коробочку «Рафаэлло», но там было что-то ещё. Я открыла и ахнула – внутри лежала маленькая шкатулка из красного бархата.

Затаив дыхание я заглянула внутрь. К горлу подкатил ком, навернулись слёзы. На подушечке лежало золотое кольцо с бриллиантами. Неужели он зовёт меня замуж?

– Это просто подарок на день рождения, – словно прочитав мои мысли, пояснил Гриша.

Распрошавшись, я, счастливая, побежала домой звонить маме – не терпелось с кем-нибудь поделиться. Тогда мне показалось, что она не особо удивилась кольцу – так спокойно и даже отстранённо выслушала мой рассказ. Но вскоре от Веры я узнала, что о моём подарке уже судачит весь город – мама рассказала каждой подружке!

Вечером того же дня, укладываясь спать, я получила сообщение: «Тебе нужен другой мужчина. У нас большая разница в возрасте. Давай расстанемся».

Такой развязки в собственный день рождения я никак не ожидала. Слёзы хлынули из глаз. Что произошло? Что я сделала не так? Всё же было хорошо. После долгих рыданий я взяла себя в руки и написала, что всё у нас в порядке и он мне очень нравится.

И Гриша сразу успокоился, словно такого ответа и ждал. Но он даже не догадывался, что это стало началом конца. Его слова отрезвили меня, в душе зародилось сомнение, которое крепло день ото дня.

Однажды, посмотрев фильм с Кевином Костнером «Ходят слухи», я влюбилась в образ мужчины, облачённого в белую рубашку с закатанными рукавами. Для меня это стало неким символом мужественности. Когда Гриша в очередной раз пригласил меня на свидание, я попросила его надеть белую рубашку. Образ из фильма не выходил из моей головы, и именно так я представляла своего принца.

Но увидев Гришу в рубашке, я разочаровалась. Ему она совсем не шла. Просвечивающая, точно от старости, рубашка висела на нём мешком, от чего голова стала казаться прямо-таки огромной. Я промолчала, а Гриша всю дорогу пытался разузнать, почему должен был одеться именно так.

Поздним вечером мы прибыли в ресторан суши. Это был мой первый поход в подобное заведение. С одной стороны, я радовалась, что попробую наконец эту экзотическую кухню, но с другой, Гриша поставил меня в неловкое положение. Я не умела есть палочками и очень неуклюже с ними выглядела. Да и с роллом во рту смотрелась, конечно, очень «симпатично». Гриша сам сделал заказ, и когда я увидела лапшу, то взмолилась принести мне вилку – попытку с палочками я бы просто не выдержала.

Наш столик обслуживал приятный официант. Как я узнала после, директор сети этих ресторанов брал на работу исключительно красивых молодых людей. Прекрасного пола среди сотрудников заведения и правда было очень мало.

Три девушки за соседним столиком постоянно оглядывались на нас, что заметил и Гриша. Мне было очень любопытно, что же их так заинтересовало. Неужели завидовали? Со стороны мой спутник, пожалуй, выглядел привлекательно, и я сама при первой встрече была им очарована. Но сейчас, похоже, слишком пристально смотрела на нашего официанта – Гриша явно занервничал.

На обратном пути он гнал машину как ненормальный.

– В чём дело? – испуганно вцепившись в сиденье, спросила я.

– Я всё видел. Он тебе понравился.

– Кто? – недоумевала я.

– Тот официант. Может, вернёмся? Оставишь ему номер.

Я ошарашенно смотрела на Гришу. Неужели я умею строить глазки, смотреть как-то по-особенному? Всегда считала себя неумелой в таких делах, и причина возмущения моего уха-жёра стала для меня откровением.

Когда мы остановились у моего дома, я постаралась загладить вину нежным поцелуем. И это сработало! Для меня явно открывалась какая-то новая сторона жизни вместе со скрытыми ранее возможностями женской натуры.

Через пару дней Гриша привёз мне в подарок кактус, сказав, что это олицетворение моей сущности. Было очень «приятно». Я сразу же отдала его соседям – никогда не любила эти колючие растения.

Вышло так, что как раз к моему дню рождения папу отправили в командировку на учёбу в Питер. В те дни мы часто виделись: я ездила к нему в гости, иногда мы вместе ходили на концерты и просто гуляли. То, что он был рядом, очень грело душу, и в целом я ощущала себя спокойнее.

Папина учёба длилась всего две недели. По её окончании я решила поехать домой вместе с ним, всё равно уже мои курсы почти закончились.

Отправление пришлось на 9 мая. Гриша вызвался меня проводить, и из-за него я чуть не опоздала на поезд. Папа уже ждал на вокзале, когда мы там наконец появились. Они познакомились, мужчина ужасно волновался. Уже в поезде папа с улыбкой сказал:

– Ты нашла самого скромного парня во всём Петербурге.

Вагон тронулся, и вдруг пропиликал телефон, оповещая о новом сообщении. Я открыла его и усмехнулась. Текст был следующим: «Нам нужно расстаться. Я тебе не пара». Я быстро написала «Хорошо» и вытащила симку, вставив домашнюю.

К тому времени Гриша мне уже окончательно разонравился. Всё чаще я стала замечать, что он не уверен в себе и постоянно ждёт от меня слов поддержки. Рядом с ним я чувствовала себя мужчиной, и это мне ужасно не нравилось. Его нюни начинали меня раздражать, угнетали бесконечные жалобы на жизнь.

Через несколько дней по приезду домой раздался звонок. Как? Откуда он узнал этот номер??

Оказалось, две ночи подряд отверженный кавалер пытался найти меня в соцсетях. На тот момент я не была зарегистрирована ни в одной. Обнаружив это, Гриша начал поиск родственников. Он написал маме, папиному брату, дяде и ещё нескольким людям. И кто, вы думаете, меня сдал? Собственная мать – вот уж от кого совсем не ожидала. Она захотела, так сказать, помочь молодому человеку и дала мой номер.

Но я уже всё для себя бесповоротно решила и сообщила об этом бывшему ухажёру, на что он весьма мужественно бросил трубку. Я сразу отключила телефон, предчувствуя его гнев, и включила только наутро. Тут же пришло не доставленное вчера сообщение: «Да и пошла ты... Девочки были правы».

Как оказалось, он всё рассказывал сотрудницам с работы. Не зря папа предупреждал, что поклонник «Дома 2» – это диагноз. Так оно и вышло: Гриша устраивал мне «проверки», обсуждая их с посторонними людьми.

Недолго я горевала о нём, печаль неожиданно рассеялась уже через пару дней. Всё-таки я была благодарна ему за прекрасные моменты, внимание, заботу, переполняющие меня эмоции в начале знакомства и, разумеется, за любимые блинчики, которыми он щедро угощал меня при каждой встрече.

Глава 5. «Эта песня хороша – начинай сначала»

В мае настала «радостная» пора повторной сдачи ЕГЭ. Так как я не была прописана в Петербурге, пришлось сдавать экзамены в родном городе с сегодняшними выпускниками – учениками на год младше меня. Я всех их знала, а они, в свою очередь, помнили меня. Было тяжело идти на эту встречу. Как я и ожидала, у всех округлились глаза.

– Опять? – спрашивали они.

– Да, мне понравилось. Дай, думаю, ещё попробую.

Меня очень поддерживала директор школы, поэтому на всё ошеломление выпускников я отвечала улыбкой.

Нужно было сдать всего два экзамена – историю и обществознание. Я с достоинством выдержала оба и уже с готовыми результатами поехала в Петербург.

И мне «повезло». С 2009 года ЕГЭ стал обязательным, а это означало, что учёба на подготовительном отделении не давала мне никаких льгот, как было прежде. Теперь мы проходили вступительные испытания на общих условиях.

Я досадовала, что система сломалась именно на мне. Пришлось по новой соревноваться в баллах с другими абитуриентами. Плюс ко всему новые условия отбора оказались сырыми, не продуманными до конца, в вузах начался бардак, приёмные комиссии не справлялись с объёмом работ.

Для абитуриентов не было никаких ограничений – можно было поступать в любое количество учебных заведений, на какие угодно факультеты в любом городе – достаточно было отправить документы по электронной почте. Сделали также три волны поступления, и на стендах факультетов вывешивали длинные списки подавших документы в порядке убывания баллов. В зависимости от количества людей, кто не приносил подлинники документов, отказавшись от данного вуза, с наступлением следующей волны список поднимался вверх.

Конечно же, вначале поступили исключительно отличники, которые спокойно выбирали понравившийся университет и факультет; одни и те же фамилии значились сразу в нескольких вузах и факультетах.

Простой народ нервно ждал второй и третьей волны, так как мы сразу увидели, под каким номером и на какой странице списка стояли наши фамилии. В общем, в тот год и преподаватели, и абитуриенты намучались с бумагами и от ожидания, кто, когда, куда поступит.

Я подала документы на несколько факультетов Педагогического университета: выбрала то, что считала более или менее интересным и куда подходили сданные мною предметы. Ещё я нашла вуз со специальностью, на которую хотела попасть в прошлом году – садово-парковое строительство. Это была Лесотехническая Академия. В первый год я её не рассматривала, потому что там требовалась биология, которую я не знала. На этот раз правила приёма изменились: биологию заменили на географию, которую я сдавала в школе. В итоге в этот вуз я принесла результаты прошлогоднего ЕГЭ, которые были годны в течение двух лет.

Приехав на Лесную, я долго блуждала в поисках нужного мне вуза. Забор вдоль парка казался бесконечным. Когда я вышла к шлагбауму, то засомневалась, туда ли вообще пришла. Здесь стояла сторожевая будка и высился стенд с картой Дендрологического парка, а где Академия – ни слова. Пришлось пробираться по тропкам парка, который больше походил на лес.

Я остановила проходившую мимо женщину.

– О, вы хотите туда поступать? Прекрасно. Пойдёмте, я вас провожу.

Как только я ступила на территорию парка, то сразу в него влюбилась. Столько зелени! Могучие деревья, тишина, пение птиц и, самое удивительное, почти нет людей. Я словно попала в сказку, зелёный оазис в центре каменного Петербурга.

«Вот здесь я хочу учиться!» – решила я. Никогда бы не подумала, что в шумном многолюдном городе может быть такое чудесное тихое место.

По дороге дама восторженно рассказывала мне о парке и Академии. Мы вышли к серому зданию, над входом которого висел большой зелёный плакат «ПРИЁМНАЯ КОМИССИЯ».

– Вот мы и пришли. Удачи в поступлении, дорогая!

Воодушевившись красотой природы и рассказом случайной попутчицы, я, точно на крыльях, взлетела по ступенькам крыльца и вошла внутрь здания. Теперь я была уверена, что хочу учиться именно здесь. Как бы ни был красив центр города с его архитектурой, природа мне была всё-таки ближе. Здесь я чувствовала себя как дома, каменные джунгли – это не моё.

В зале приёмной комиссии я с интересом наблюдала за другими абитуриентами. Многие испуганно оглядывались по сторонам, пока их родители активно разузнавали, куда какие документы и бланки следует подавать. Теперь мне это казалось смешным. Ещё год назад я точно так же всего боялась, пряталась за папиной спиной, обходя незнакомые учреждения, подавая документы. Неужели целый год прошел с тех пор? Теперь же как бывалая я смело шла в приёмные комиссии одна.

Я так хотела учиться в Лесотехнической Академии, что через пару дней пришла вновь, чтобы подать документы ещё и на заочное отделение, но потом узнала, что зря – кто не проходил на дневное, на заочное попадал автоматически. Я с нетерпением стала ждать результатов.

Как-то раз на кухне ко мне подошла наша соседка-молдаванка и тихо сказала:

– Я завтра съезжаю – жить здесь одной для меня слишком дорого. Шкаф и кровать оставляю, так что вы с Леной можете заезжать в мою комнату, там и балкон есть. Скажете хозяину квартиры?

Я кивнула. Мне было очень жаль эту несчастную, уставшую от жизни женщину.

Как только она покинула квартиру, мы с Леной перебрались в её комнату. Теперь у нас появилось новое развлечение: по вечерам, укутавшись в пледы, мы выходили на балкон и лицезрели вереницы мерцающих придорожных фонарей, спешащие автомобили, сверкающий торговый центр и широкие просторы за ним.

Лена доставала сигарету, и начинались наши душевные разговоры. Мы говорили обо всём на свете, смеялись и печалились. Всё чаще возвращались к теме поступления, окончанию нашего изнурительного года и долгожданному разрешению этого вопроса. Мы очень боялись снова не поступить, и это чувство порой переходило в отчаяние.

Страх сковывал всё тело при мысли, что так тяжело жить будет всю оставшуюся жизнь. Я считала себя никем и больше всего боялась вновь оказаться за бортом счастливого студенчества, а для меня это значило – и за бортом нормальной, полноценной жизни.

Как только потеплело, я стала совершать вечерние пробежки вокруг сквера, что находился перед торговым центром. Эти полезные прогулки поднимали мне настроение. Лена моего увлечения не разделяла и составить компанию отказалась.

Однажды меня чуть не пришибли футбольным мячом. Я пробежала мимо двух парней, игравших на траве. Краем глаза заметила, как в мою сторону полетел мяч, но не придавала значения, решив, что он пролетит мимо.

Вдруг один из молодых людей громко крикнул:

– Девушка, осторожно!

Я подняла глаза и отпрянула – мяч чуть было не упал мне на голову. Парень виновато развёл руки и принялся усердно извиняться. Я улыбнулась в ответ и побежала дальше.

На следующий день я снова их встретила. Уже издалека тот же молодой человек помахал мне, улыбаясь во весь рот. Я поздоровалась в ответ и, невероятно довольная, побежала дальше.

С этого дня у меня появился дополнительный стимул к пробежкам. Каждый раз я пыталась высмотреть ребят на той поляне и, грустно вздохнув, бежала дальше. Бегала я теперь, даже когда совершенно не хотелось – вдруг парни будут там именно сегодня?

Наступил долгожданный день, когда должны были вывесить списки поступивших в первой волне. Я поехала сначала в Педагогический университет. В заветных листочках моей фамилии не было, практически везде я была на десятых листах.

С понурым видом отправилась в Лесотехническую Академию. Подошла к стенду и без особой надежды принялась искать свою фамилию.

Вдруг сердце учащённо забилося. Это я? Это действительно я?! Улыбка расплылась до ушей, хотелось скакать от радости. Я тут же позвонила маме и, как безумная, завопила:

– Я поступилааа! Я в списке! И даже не в конце!

– Ну, слава Богу! – с облегчением выдохнула мама.

Это был счастливейший момент в моей жизни. Вокруг меня текла обычная, размеренная жизнь, а в моём сердце тем временем гремели салюты и барабаны.

Я унесла подлинники документов, мне написали какую-то расписку, с которой нужно было подходить в общежитие насчёт отработки практики. Я держала эту бумажку, и мне всё ещё не верилось, что в моих руках – долгожданный, выстраданный пропуск в студенческую жизнь.

С волнительным трепетом я подходила к общежитию – своему новому месту жительства на ближайшие пять лет (если не отчислят раньше, конечно). Это было старое четырёхэтажное жёлтое здание, выстроенное буквой П, вокруг тихий двор и много деревьев.

И вдруг вижу тот самый дом, где не так давно делала ремонт! Я изумлённо уставилась на него, не веря своим глазам. Вот, значит, студентов какого вуза я видела в окно, шпаклюя стены по соседству!

Зайдя внутрь общежития, я оказалась в небольшом холле с множеством растений. Старым это здание выглядело не только снаружи, но и внутри, однако мне почему-то сразу захотелось здесь жить, всеобщая ветхость меня не пугала.

Возле вахты стояли три женщины, я передала им расписку и попросилась заехать раньше, так как нужно было съезжать со съёмной квартиры. Самая молодая из них оказалась заведующей общежитием. Она протянула мне список возможных комнат, обвела кружком более привлекательные, по её мнению, варианты и выдала пару ключей.

Я поднялась на последний этаж. Сначала зашла в ту, что находилась напротив лестницы. Там меня встретил жуткий запах кошачьего туалета вперемешку с грязными носками. Я тут же выскочила в коридор и прошла в комнату неподалёку. С трудом справившись с замком, я распахнула дверь и поняла: вот он, мой новый дом. Небольшая, но очень уютная комната, сиреневые обои, ажурный тюль на всё окно и множество мягких игрушек, расположившихся на полках и кроватях. А самое главное, здесь пахло чем-то до боли родным и знакомым.

Я помчалась вниз сообщить, что определилась с жильём.

– О, это очень хорошая комната, – улыбнулась заведующая, – девочки там спокойные.

Мы попрощались, и я заторопилась к метро – не терпелось начать паковать вещи.

За год у меня скопилась уйма вещей, перевозить которые пришлось по частям. В итоге вышло три захода. Самым тяжёлым оказался тазик с посудой – еле дотащила его до места, учитывая, что от метро ещё пришлось пилить пешком целых двадцать минут.

Уже возле общежития около меня остановилась машина, молодой парень радушно предложил помочь. «Где ты был, чёрт возьми, когда я только вышла из метро?» – подумала я, а вслух лишь скромно улыбнулась и произнесла:

– Нет, спасибо, я уже дошла.

Он на всякий случай уточнил, действительно ли не нужна помощь, и уехал. Конечно, я уже вся взмокла к тому моменту, щёки горели, волосы растрепались, пакеты выскальзывали из рук. Хорошенькая картинка представилась его взору, ничего не скажешь.

В последний вечер перед отъездом я решила выйти на прощальную пробежку. И вы не поверите: я встретила тех самых парней! Они снова гоняли мяч. Меня сразу узнали и позвали к себе. Я была на седьмом небе от счастья. Мы тогда весело поиграли в мяч втроём, и парни без конца нахваливали мои сильные удары.

Когда стало темнеть, ребята засобирались домой. У машины они попросили меня отвернуться, а когда я наконец обернулась, один из молодых людей держал в руках ярко-жёлтый букет хризантем.

– Это специально для тебя!

Я в смятении уставилась на ребят, не понимая, откуда они его откопали. Нет, корней и ссыпавшейся свежей земли не было, но тот факт, что у них в машине «случайно» оказался для меня букет, показался мне весьма странным.

Хотя до дома было идти пару шагов, ребята предложили меня подбросить, а наутро отвезти оставшиеся вещи до общежития. Моему счастью не было предела, улыбка не сходила с лица от неожиданно щедрой помощи. Спрашивается, почему всё самое тяжёлое я уже отвезла? Остался лишь лёгкий чемодан и маленькая подушка, но я всё равно согласилась.

Один парень ушёл, а второй отвёз меня до дома. Уже совсем стемнело, мы сидели в машине, я была сильно взволнована всем произошедшим. Так хотелось остановить время... Но парень просто сказал пару общих фраз и попрощался до завтра.

Я прибежала в квартиру и с порога стала взахлёб рассказывать Лене о моём удивительном вечере. Подруга встретила меня грозным взглядом, ведь я ушла побегать на полчаса, а вернулась спустя часа два. Лена внимательно выслушала мой беспорядочный рассказ, а потом мы уже вместе радостно обсуждали все подробности, мечтая, во что может вылиться это знакомство.

Наутро, как и договаривались, у подъезда меня уже ждало красное авто. Тот парень, что был за рулем, гнал как ненормальный. Второй постоянно ему напоминал, что с ними ещё девушка и стоило бы ехать поаккуратнее. При этом мы всю дорогу что-то весело обсуждали.

– А ты отчаянная, – сказал один из них. – Села в машину к парням, которых знаешь всего пару дней. Мало ли куда они тебя отвезут?

Я только смеялась, удивляясь сама себе. Я просто чувствовала, что этим молодым людям можно доверять.

Доехав до пункта назначения, я с наслаждением смотрела, как отвисли челюсти у ребят, выходявших в тот момент из общежития. Ещё бы! Приехала, что называется, первокурсница заселяться на крутом красном автомобиле с двумя видными парнями. Вот честно – сама себе завидовала в ту минуту.

Ребята занесли мои вещи в комнату, мы выпили чая.

– Мда, вот тут ты теперь, значит, будешь жить, – протянул один из них, разглядывая комнату.

– Ага, – радостно и гордо ответила я.

– А поехали в кино? – предложил второй.

Мы попали на какой-то жуткий фильм про инопланетян, я не особо вникала в суть. Ребята сели по обе стороны от меня и по очереди в самое ухо комментировали все действия на экране. Одному бедолаге хотели подлечить руку, стали разворачивать бинты, а там клешня. В этот момент оба парня схватили меня за руки с какими-то воплями.

После фильма мы обсудили кино, съели мороженого, и я отправилась в свой новый дом. Это было отличное начало новой жизни!

P.S.

Лена и Оксана в итоге так и не поступили. Оказалось, попасть в Академию Художеств, даже если у тебя на руках диплом об окончании художественного училища, не так-то просто.

Лена вернулась к родителям. Через год её попытки вновь не увенчались успехом, и она уехала домой окончательно, где вскоре вышла замуж. Оксана всё-таки поступила, правда, только на заочную форму обучения.

Когда я забирала документы из Педагогического университета, женщина в приёмной комиссии уговаривала остаться – по баллам я проходила на философию во второй волне. Услышав, куда я поступила, она усмехнулась и переглянулась с сидевшей рядом девушкой. Мне стало неприятно, захотелось быстрее покинуть этот кабинет. На душе остался мерзкий осадок, хотя я была уверена, что на этой философии померла бы от тоски.

Ребята с подготовительного отделения, где я занималась, поступили, за исключением одной девушки, которой пришлось подождать ещё год. Зато потом она попала в первые ряды студентов и именно туда, куда хотела.

Часть вторая

Глава 6. Студенческая жизнь

Первое время я тщетно ждала звонков от парней, с которыми встретила во время пробежки. У меня был номер одного из них, пару раз я звонила сама, хотя это было глупо и эти звонки ничего не дали. Я немного пострадала, но вскоре новая жизнь захватила меня с головой, и та история превратилась в маленькое приятное воспоминание, которое уступило место новым впечатлениям.

После заселения в общежитие я каждый день отработывала практику, похожую на отработки в школе. Я пересаживала цветы: в коридоре мне расстелили газеты, которые заставили множеством комнатных растений. Это занятие мне нравилось.

Однажды на входе работала странная вахтёрша. Она постоянно беседовала сама с собой, но выглядело это так, словно она с кем-то серьёзно разговаривала. Разок она прошла мимо меня, добродушно похвалив за работу, а через пару шагов громко крикнула: «Шлюха!» Я аж вздрогнула от неожиданности. Женщина повернула за угол, злобно отчитывая выдуманного собеседника. Я не на шутку перепугалась.

После этого случая я старалась её избегать и даже не встречаться взглядом. Позже я узнала, что студенты за глаза называют её «Сам Самыч». На самом деле, она была ответственной, вежливой женщиной, но эти заскоки заставляли сомневаться в её адекватности.

В моём общежитии все этажи делились на два крыла. В каждом из них было по одной кухне в конце коридора, в противоположной стороне – «умывалка» и два туалета. Женский располагался ближе к окошку, и в этом была его беда. Окно служило курилкой, здесь постоянно тусовались курящие компашки парней, но и девушек было достаточно.

Особенно подолгу стояли по пятницам и субботам или в чей-то день рождения. В такие дни попасть в туалет становилось проблематично. Каждый рассматривал тебя с ног до головы, волосы и одежда мгновенно впитывали едкий дым сигарет, да и в целом как-то неловко – казалось, что нет вовсе этой старой перекрашенной двери, отделяющей тебя от курящих. Поэтому первое время, заведя парней у окна, я в последний момент сворачивала в умывалку, откладывая поход в туалет «до лучших времён».

Достопримечательностью общежития служил общий душ, который располагался в подвале. Дорога к нему напоминала настоящие катакомбы. Длинный узкий коридор с низким потолком, тяжёлые двери с круглыми металлическими задвижками, как на подводных лодках. # В первый раз мне было очень страшно ещё и потому, что за мной увязался странный парень. Я шла, шла, а коридор всё никак не заканчивался. Наконец я увидела две двери напротив друг друга, «маньяк» свернул в мужской душ и больше меня не преследовал.

Как у всякого порядочного места, у душа был свой график работы: по будням и субботным дням с 16 до 23, а в воскресенье – с 12 часов. И два выходных: понедельник и четверг. В эти дни, ребят, ходите грязными. И никого не волнует, что ты можешь работать допоздна или вернулся уставший, вспотевший после практики. Некоторые, конечно, находили выход: завешивали умывалку, выключали свет и мылись там под собственным шлангом.

Специально для походов в душ я приобрела тёплый плюшевый халат канареечно-жёлтого цвета. Он приглянулся мне с первого взгляда, когда я возвращалась из моего любимого книжного магазина. Так появился халат, по которому меня запомнили многие студенты тех лет. Я носила его не снимая, особенно зимой.

Моими соседками по комнате оказались две милые, скромные девушки – закадычные подружки Женя и Света. Они учились на год старше меня на той же специальности. Дружили они ещё со школы. Женя была высокой, крепкой девушкой с непослушными рыжими волосами, Света – миниатюрной блондинкой с кукольным личиком. Мы сразу подружились, но так как они здесь учились не первый год, я питала к ним какое-то благоговейное уважение и негласно соблюдала личные границы. Готовили мы отдельно, жили своей жизнью, стараясь не мешать друг другу.

Первое занятие начавшейся долгожданной учёбы я запомнила навсегда. Это была лекция по истории. Был солнечный осенний денёк, либо он просто показался мне таким. В светлой просторной аудитории сидели новоиспечённые студенты. Я была счастлива просто потому, что я здесь, я одна из них, я первокурсница. Не верилось, что всё взаправду.

Я пыталась сосредоточиться и внимательно слушать лектора, мужчину преклонного возраста. Он поздравил нас с поступлением и приступил к лекции об истории России, которую я ещё хорошо помнила с подготовительных курсов.

После занятия мы разошлись по своим группам, познакомились. Довольно необычным, непривычным казался тот факт, что нет классного руководителя, как это было в школе – сразу

ощущалась некая зрелость и самостоятельность. Невысокая миловидная брюнетка взяла в свои руки бразды правления. Я сама мечтала стать старостой, но промолчала, не желая соревноваться с этой уверенной в себе питерской красоткой.

В целом я была очень тихой и незаметной – столько новых людей вокруг, мне нужно было время освоиться, познакомиться. Я сдружилась с ещё более скромной девочкой, которая будто вовсе пыталась стать невидимкой.

Впервые Новый год я отмечала вне дома. Две одноклассницы, жившие двумя этажами ниже, любезно пригласили за свой праздничный стол, однако компания оказалась совсем не моя. Тихо-мирно посидев до полуночи, я откланялась и пошла к себе.

По дороге решила заглянуть к моим тувинским друзьям, у которых было очень весело: за переполненным столом стоял шум и гам. Собрались как минимум все тувинцы, жившие в этом общежитии. Знакомые радостно усадили меня к себе, налили сока, но и здесь я продержалась пять минут. Веселье весельем, но говорили они только на своём тувинском.

Я почувствовала себя чужой на этом празднике и быстренько ретировалась в свою комнату. Здесь меня встретили темнота и тишина – соседки отмечали Новый год дома. Так необычно было это ощущение: смех и веселье лились изо всех уголков общежития и снаружи, а я – на тёмном и тихом островке, который совершенно не вписывался в общую праздничную картину.

Я стояла возле окна, как вдруг накатила тоска, разом стало очень грустно и одиноко, но грела мысль о скорой поездке домой. Уже послезавтра... Свернувшись калачиком на холодной постели, я думала о доме и так и уснула под общий гул праздничного веселья, пребывая в своих мечтах.

В тот год выдалась на удивление снежная зима, совсем не свойственная Петербургу. В день моего отъезда выпало так много снега, что дороги едва успевали расчищать. Мне хорошо запомнилось, как я пробиралась к метро сквозь сугробы, волоча за собой тяжёлый чемодан, полный подарков.

Когда я вернулась с каникул, выяснилось, что здание нашего общежития не было готово к такой зиме. Потоп превратил верхний этаж – как раз, где жила я – в страшное пространство из разводков, пузырей и постоянно отваливающихся кусков штукатурки. Тут и там стояли тазы, принимавшие непрерывную капель. Вода просочилась и на третий, и местами даже на второй этаж. Зрелище было жуткое.

Бедствие не обошло стороной и нашу комнату: в одном углу довольно сильно текла вода, что было видно даже с улицы. Обои отсырели, стали желтеть и отваливаться. Всё бы ничего, но пострадавший угол стал чернеть, покрываясь плесенью. В это время на занятиях мы как раз изучали плесень и её страшные последствия – я была здорово напугана.

На нашу просьбу о ремонте управляющая ответила отказом: «Если так хотите, то, пожалуйста, своими силами и за свой счёт». Начиналась сессия, и нам было попросту не до этого. Осложняли дело и трёхметровые потолки – слишком высокие для хрупких девушек. В итоге заведующая просто переселила нас в другую комнату. Нашу закрыли якобы для ремонта в будущем, но уже через месяц заселили других девочек, и новые жильцы сами отремонтировали злополучный угол.

Нам досталась комната намного больше прежней, и мои соседки решили подселить свою подружку. Я была не против, так как хорошо знала эту девочку, которая часто заходила к нам прежде. Переезжать они почему-то решили под ночь и именно тогда, когда у меня был запланирован с подругами поход в клуб. Соседки сказали, что сами справятся, лишь бы потом не было претензий с моей стороны. Я согласилась.

С детства я любила спать на верхней полке, потому попросила оставить мне верхнее место на двухъярусной кровати. Это стало моей роковой ошибкой.

Уже через несколько дней я поняла, что верхняя полка в общежитии – это совсем не то, что дома. Заползать туда постоянно не будешь, ноутбук с его проводами и вовсе замучаешься перетаскивать. Вышло так, что в комнате не осталось моего личного пространства, неприкасаемой территории. Оставляя вещи на столе, я постоянно обнаруживала их сдвинутыми, переставленными. Сидеть, кроме как за кухонным столом, мне стало негде, но из-за большого шкафа там всегда было темно. Это было совсем не то уютное место, где я могла бы заниматься своими делами.

Только тогда я в полной мере ощутила, что значит личное пространство и его жизненная необходимость. Но девочкам было всё равно. Они наотрез отказались поставить в комнате обычную кровать, добавив, что теперь поздно возмущаться – сама захотела верхнюю. Притом что в комнате места было предостаточно, чтобы разместить ещё человек пять, соседки почему-то хотели сохранить «футбольное поле» и кучу столов по периметру.

Обстановка накалялась. Началась неравная война – трое против одного. Как же резко они переменялись, стоило мне попытаться настоять на своём. Добрые, милые соседки в одно мгновение превратились в лютых ненавистниц, а ведь я всего-навсего хотела обычную кровать.

Наше общение прекратилось совсем, теперь я слышала лишь резкие замечания по любому поводу. Жить становилось невыносимо. Я перестала появляться в комнате, приходила только поесть и поспать, всё время просиживая у одногруппниц.

Девочки же, словно нарочно, решили меня выжить – начали постоянно устраивать вечеринки в нашей комнате. Свет не выключался всю ночь, грохотала музыка, гулянья, шумные разговоры продолжались до самого утра. Затишье наступало лишь в минуты их перекуров у туалета.

Я не могла спать, свет пробивался сквозь веки. Укрыться было негде – кровать стояла к стене лишь торцом. Ко всему добавлялась ужасная духота – на четвёртом этаже в принципе всегда было жарко, а на втором ярусе кровати и подавно.

После пары таких вечеринок мои нервы были на пределе. Каждый вечер я рыдала родителям в трубку, не зная, как быть. Коменданту было наплевать. Конечно: ей, на первом этаже, ничего не слышно.

Но это было уже слишком. Раз они не хотели по-хорошему, я однажды попросила одногруппника Ваню просто перетащить в комнату мою старую кровать. Ваня посоветовал ничего не трогать, и мы поставили кровать прямо посреди комнаты.

Что началось, когда с учёбы вернулись девочки... Стоял ор на всю комнату, чуть передвинутая кровать соседки Жени разозлила их окончательно. Посыпались оскорбления, меня назвали воровкой. В тот вечер я долго плакала, стоя у тёмного окна в конце коридора, и никак не могла успокоиться. Снова и снова я винила себя во всём произошедшем, не зная, что же теперь делать. Я думала, что, быть может, если бы я помогла тогда с переездом, ничего бы этого сейчас не случилось.

Наконец я вытерла слезы, вернулась в комнату и залезла под одеяло с головой. Девочки демонстративно ходили ногами по моей кровати, а когда решили, что я уснула, начали меня обсуждать.

Сколько всего я услышала тогда о себе... Слёзы катились по щекам, но я упорно притворялась спящей, не шевелясь и не высовывая головы из-под одеяла. Я и не знала, что так быстро могут испортиться отношения, казалось бы, на пустом месте.

На следующее утро я сидела у подруг в комнате этажом ниже и рыдала, глотая вальерьянку. Девочки обступили меня со всех сторон, пытаются успокоить.

– Оставаться у себя тебе больше нельзя. Может, поживёшь у нас, пока не найдёшь новое место?

– Так где? Вас и так тут четверо, – печально отозвалась я.

– Ничего страшного! Поставим кровать по центру, – засмеялась Лиза.

Так мы и сделали: пришли гурьбой в мою комнату и на глазах у изумлённых соседок вынесли кровать, тумбочку и часть вещей.

Комната подруг была в разы меньше. Из-за меня стало тесно, неудобно, но девочки каждый раз терпеливо обходили кровать без единого слова упрёка. Я впервые спокойно спала, не вздрагивая от шагов, не шурясь от света и не боясь злых разговоров.

Вскоре я пошла к заведующей общежития.

– Елена Дмитриевна, мне нужна комната. С моими соседками я больше жить не могу, – чуть не плача, взмолилась я.

Но женщина тут же нахохлилась и грозно заговорила:

– Так, Мария. По вашей же просьбе я недавно дала вам другую комнату. Сколько можно переезжать?

Я виновато опустила глаза. Сказать в ответ мне было нечего.

– Есть два варианта. Сходите, посмотрите.

Предложенные комнаты оказались в жутком состоянии и к тому же с клопами! В растерянных чувствах я сидела посреди комнаты, в которой меня приютили. Девочки всё так же спокойно относились к неудобствам, но я знала, что нужно скорее куда-то съезжать.

В моей прежней комнате ещё оставалось много вещей, продукты, учебные принадлежности. Я приходила собрать сумку на учёбу, переодеться и поесть. Каждый раз трясущейся рукой открывала ненавистную дверь, втайне надеясь, чтобы в комнате никого не оказалось.

Девочки по-прежнему игнорировали меня, но однажды одна из них, Света, повернулась ко мне и произнесла:

– Раз тебе здесь так не нравится, поменяйся с нашей одногруппницей Ниной. Она переедет к нам, и у неё не верхняя полка.

На душе стало тошно – столько гнева и неприязни было в её голосе. Не хотелось соглашаться, но других вариантов у меня не было.

Комната находилась на втором этаже. С Ниной жила Наташа – высокая тучная девушка неприятной наружности и две миниатюрные девочки, с которыми мы учились на одном потоке – Лёля и Соня.

Лёля была моей землячкой, с ней мы познакомились ещё на первом занятии физкультуры. Мне тогда кто-то сказал, что на нашем потоке есть девушка из моих краёв, и я сразу вычислила её по характерной внешности. Уверенно подойдя к ней перед началом занятия, я спросила:

– Привет! Ты из Удмуртии?

Лёля ошарашенно взглянула на меня, растерянно кивнув и поздоровавшись.

А вот Соню до этого дня я не знала. Длинноволосая брюнетка зло блеснула на меня большими карими глазами и сказала:

– На кровати Нины буду спать я, а ты на моей верхней полке.

Я уставилась на эту маленькую девушку, ниже меня почти на голову, на секунду потеряв дар речи. Неужели опять? Ну уж нет!

– Спать наверху я больше не буду! – резко возразила я. – Значит, принесём две обычные кровати вместо двухъярусной.

Тут в беседу включилась Наташа, которая ещё с порога одарила меня гневным взглядом.

– И куда ты собираешься ставить ещё одну кровать? – холодно спросила она.

– Вот здесь, на место дивана, – показала я, – больше некуда.

– Моего любимого дивана?! – Наташа презрительно фыркнула и отвернулась к стене.

Я с горечью подумала о том, что меняю шило на мыло. Похоже, радостной в тот момент была только Нина – кукольная блондинка с глупой улыбкой. Ей были безразличны мои разборки с бывшими соседками – как я поняла, ей хотелось скорее избавиться от общества Наташи.

Обмен состоялся через пару дней. Новая комната казалась мне серой и унылой, но, похоже, кроме меня, никто этого не замечал. Когда-то сверху, по всей видимости, упал целый кусок потолка – об этом свидетельствовала огромная запененная дыра. Напротив окна росло много деревьев, и свет в комнату практически не поступал.

Страшные старые шкафы зонировали кухню и прихожую, на столе громоздились горы грязной посуды. Наташа не любила мытьё и откладывала его до последнего. Где-то, мне казалось, уже завелась живность.

И сколько в комнате было тараканов, жуть! Однажды я проснулась и обнаружила под собой одного раздавленного – этот нахал, похоже, пригрелся и погиб. В другой раз, спросонья, натягивая свой жёлтый халат, я в ужасе подскочила на месте – из рукава выполз огромный таракан. И взвизгнуть-то было нельзя – девочки ещё спали.

А окно, под которым я спала!.. Я постоянно ощущала лёгкий ветерок на лице, словно спала на улице – под подоконником оказалось множество щелей, плюс ко всему батареи грели едва-едва.

Как выяснилось потом, тепло уходило на последний, четвёртый, этаж, на третьем царило «межсезонье», а на нашем втором – «вечная мерзлота». Приходилось на ночь надевать шапку, особенно после душа, и укутываться во всё что можно, накрываясь сверху халатом. Моё спальное место нравилось мне, пожалуй, лишь тем, что стоявший рядом стол хорошо прикрывал от входивших в комнату. Никто из гостей меня не видел.

Я заметила, что комната довольно интересно разделена между девочками. Одна половина принадлежала Наташе, а вторая – Лёле и Соне. Я нарушила диспозиции, расположившись поперёк. Один из шкафов был полностью забит вещами Наташи, а второй мы теперь делили на троих. Наташу, естественно, всё устраивало.

Вообще, эта девушка оказалась довольно своеобразной личностью. Её любимым развлечением были сборы в ночной клуб. Начинала она сразу, как просыпалась: шла в душ, перемерив кучу одежды, укладывала волосы, красилась.

Самое интересное, что практически всегда сборы заканчивались одинаково: Наташа оставалась дома и при полном параде ложилась спать. А поспать она любила. Девушка предпочитала бодрствовать в ночное время, сидя за компьютером, после чего отсыпалась в течение всего дня. Приходилось ходить на цыпочках и разговаривать исключительно шёпотом, что сильно раздражало, но ненароком разбудить Наташу было смерти подобно – невыспавшаяся, она была очень злая.

К величайшему моему огорчению, на шкафу Наташи стоял телевизор, а её любимой передачей была «Дом 2». Мы часто ругались, так как из-за доносившихся с экрана телевизора скандалов я не могла уснуть, а ей непременно нужно было досмотреть до конца.

Наташа редко ходила на учёбу, однако сессию всегда сдавала на отлично и без долгов. Эта её способность меня поражала, я так, увы, не умела. Я была благодарна Наташе за то, что она никогда не устраивала в нашей комнате вечеринки, а всегда уходила сама к моим бывшим соседкам. Я же ещё долгое время не могла засыпать при включённом свете и телевизоре – меня тут же начинало трясти.

С Лёлей и Соней я, напротив, быстро сдружилась. Девочки оказались такими же спокойными и добродушными, как и я. Мы подолгу беседовали в свободное время, уютно устроившись за кухонным столом нашей комнаты.

Вскоре я познакомилась с прекрасной девушкой Надюшей. Она жила за стенкой от нас. Девочки в её комнате доучивались последний год, а она планировала задержаться на пару лет в магистратуре, и Надюша предложила мне переехать к ней.

Их удивительно уютная комната приглянулась мне с самого начала, и я переехала, прихватив с собой Лёлю и Соню. Получился прекрасный состав и отличные условия. Душа в душу мы прожили два оставшихся года. Наташа злилась – она сразу поняла, что мы съехали от неё

по моей инициативе. К ней же по осени подселили первокурсниц, да ещё под стать самой Наташе.

История Нины, с которой я поменялась комнатой, стоит отдельного внимания. Очень скоро она пожалела о своём переезде, прежде мило дружившие подружки охладели друг к другу. Постоянные шумные вечеринки Нине тоже не нравились. Она жаловалась Наташе, но о повторном обмене не могло быть и речи. Но было ещё кое-что...

Нина вскоре залетела. В общежитии такие слухи разлетаются очень быстро. Мы все знали, кто он. Я часто встречала этого парня по дороге в Академию. Он и раньше-то не вызывал во мне симпатии, а теперь и вовсе только отвращение, хотя они вскоре поженились. Позднее я видела фото счастливой семьи с удивительно красивым малышом, но неприязнь к парню никуда не делась.

После окончания Академии я уже и забыла вспоминать эту историю, но однажды раздался звонок с неизвестного номера:

– Мария, привет. Мы не знакомы, но я часто видел тебя в Академии, и ты мне очень понравилась. Давай встретимся.

Я поначалу опешила, но решила согласиться. В назначенный час у моего подъезда остановилась большая серая иномарка. Увидев водителя, я обомлела. Это был муж Нины! Кто бы мог подумать: парень, которого я заочно презирала, сидел в авто, широко улыбаясь, и ждал меня.

Я села в машину.

– Привет... – взволнованно произнёс он.

– Привет... – огорошенно ответила я.

– В кафе?

Я кивнула, он завёл мотор, и мы тронулись с места.

– А ведь я тебя знаю. И жену твою.

Он ответил удивлённо и в то же время грустно:

– Мы развелись.

В небольшой кофейне было тесно, душно и полно народу. Официант провёл нас в соседний зал, точнее, комнатку без окон. Здесь людей практически не было. Мой кавалер заказал нам чая с пирожным, и официант удалился.

Не в силах больше терпеть, я сразу приступила к допросу.

– Так, говоришь, вы с Ниной в разводе? Почему?

– Это всё её мама. Она постоянно настраивала жену против меня, а Нина – послушная дочка, и вскоре втихую от меня подала на развод. Меня оповестили, лишь когда нужно было идти в суд. Я не хотел... Я так скучаю по сыну.

– А что случилось в начале вашего знакомства?

– Накануне умер мой отец. Я сильно переживал, замкнулся. Потом, на дне рождения друга, я встретил Нину. Она весь вечер так вилась вокруг меня, что я потерял голову и решил, будь что будет. Я и не мог предположить, что она сразу забеременеет. Как только узнал, сразу позвал замуж.

– Да уж... – только и смогла вымолвить я.

– Ну, а потом мы переехали ко мне, на съёмную квартиру, но казалось, будто живём с тётцей. Она влезала в каждый вопрос, ничего не решалось без её ведома. Вообще, Нина оказалась совсем не такой, какой показалась мне вначале. Взбалмошная, легкомысленная, упрямая, она часто устраивала сцены на ровном месте. И, конечно же, сразу звонила маме...

– А ребёнок?

– О, Андрюшу я обожаю. Видимся теперь очень редко. Я не хотел разводиться только из-за него.

Я смотрела на этого несчастного мужчину и ничего, кроме жалости, к нему не испытывала. Словно прочитав мои мысли, он резко выпрямился и улыбнулся:

– Но теперь всё в прошлом. Я работаю в лесничестве, строю дом и планирую завести новую семью.

Я попыталась улыбнуться.

– Так почему я? И откуда у тебя мой телефон?

– Я давно тебя заприметил, а мой друг Витя рассказал, какая ты замечательная, и дал твой номер.

– Ах, это Витя, значит...

– Я и сам сейчас вижу, что ты чудесная девушка.

– Да ладно тебе, – зарделась я.

Мы провели вечер за дружеской беседой. Было заметно, как трепетно он на меня смотрит, как осторожно пытается ухаживать. Но я была холодна. За моей улыбкой и непринуждённым разговором он не мог этого заметить. Я вела себя приветливо лишь из вежливости, чтобы не обидеть раненного душой человека. Я чётко осознавала, что ни о какой симпатии и речи быть не может. Он для меня муж Нины, и никак иначе.

Мы встретились ещё пару раз, но я не могла водить молодого человека за нос и честно призналась в отсутствии чувств. Как гадко и пакостно было на душе в тот миг – я видела, что мой отказ больно его ранил, но что я могла поделать?

Он готов был ждать, пока ко мне придёт любовь, но я знала наверняка, что этого не случится.

Глава 7. Костя

Костя... Моя первая любовь и странная история, до сих пор не дающая мне покоя.

Мне было лет десять, когда однажды к нам с сестрой на улице подошли соседские мальчишки и попросили кассету с фильмом «Матильда», которую заметили у нашего общего друга Ромки. Это был любимый фильм моего детства. Взамен они принесли «Двое – я и моя тень».

Мне сразу приглянулся один из мальчиков. Его звали Костя. Жил он на нашей улице в соседнем квартале в большом двухэтажном доме из белого кирпича. Кроме него в семье были два брата-близнеца и моя ровесница-сестра.

Костя был старше меня на два года, а в детстве это о-го-го какая разница. После той встречи моя симпатия к нему только крепла, хотя мы не общались. Однажды я случайно узнала, что его семья руководит какой-то сектой, что, конечно, меня не обнадёжило, но отношения к нему не переменяло.

...Десятый класс. Одним морозным утром, когда я медленно вышагивала в сторону школы, сердце учащённо забилося, когда я узнала знакомое лицо встречного парня. Это был Костя! В тот день я не могла убрать глупую улыбку с лица.

От друзей я узнала, что Костя перешёл в другую школу, дорога к которой шла через мой дом. Теперь наши пути стали пересекаться. О, то были мои самые счастливые мгновения! Сколько трепета и волнения я испытывала, завидев вдалеке знакомый силуэт. Каждый раз я смотрела в упор, забавляясь таким же пристальным взглядом в ответ, а чуть осмелев, начала улыбаться. Приходя в школу, я ещё долго не могла спрятать сияющих глаз, тайно радуясь мимолётным встречам, и расстраивалась, когда, натягивая куртку, замечала в окне прихожей его стремительно удаляющуюся фигуру.

Наступило лето. Мы с Верой сидели дома одни, когда у наших ворот остановилась незнакомая машина. Я выглянула в окно и замерла, узнав в водителе Костю. Что он здесь делает? Вся дрожа и краснея, я побежала узнать, что ему нужно.

Заметив меня, он просиял, удивлённый не меньше моего. Оказалось, что ему просто нужны были какие-то документы от моего папы, который на тот момент являлся председателем уличкома (уличного комитета) нашей улицы.

Теперь я знала его машину и постоянно высматривала среди проезжавших автомобилей. Он часто их менял, но ту белую иномарку с голубой подсветкой и нехитрым номером «222» я запомнила надолго. Каким счастьем переполнялось моё сердце, когда заветная машина встречалась мне на пути, мужская ладонь в приветствии прижималась к лобовому стеклу, а из темноты салона на меня смотрели сияющие глаза Кости! Я была готова отдать всё на свете, чтобы в этот момент сидеть с ним рядом.

Я всегда любила чистить снег, правда, исключительно в вечернее время. Расчищая пространство перед домом, принималась за тропинки у соседских бабушек, не сообщая им об этом.

Заканчивая работу, я постоянно всматривалась в сторону квартала, где жил Костя. Сердце замирало при виде знакомой машины, пробирающейся по сугробам. Автомобиль никогда не доезжал до меня, неизменно заворачивая на соседнюю улицу, а я мечтательно вздыхала, гадая, куда же на этот раз направился Костя.

Как-то раз мы с мамой, прогулявшись по магазинам, гружённые тяжёлыми пакетами, направлялись в сторону дома. Вдруг мимо пронеслась знакомая иномарка. Мама проводила её взглядом, а потом со смехом произнесла:

– Костя аж шею вывернул, тебя выглядывая. – Я отмахнулась, но в душе лелеяла надежду на взаимность.

Сколько глупостей я натворила в то время, не в силах бороться с накрывшей меня влюблённостью! Встав однажды в шесть утра, чтобы якобы побегать, я остановилась под окнами Костиного дома и быстро наскребла цветными мелками: «Доброе утро».

Чувствуя себя воров, вторгшимся на чужую территорию, я безумно боялась, что в любую минуту может нагрянуть кто-то из жильцов. Но всё обошлось, и, оставив послание, я рванула по дороге, изображая юную спортсменку на утренней пробежке.

Костя занимался ремонтом автомобилей и часто работал перед своим домом. Я искала любой повод, чтобы пройти мимо заветного адреса, благодаря чему открыла новые маршруты до подруг и ближайших магазинов.

Сердце замирало при каждой встрече. Ковыряясь в очередном авто, юноша зачастую не замечал ничего вокруг. Я же не могла допустить пройти незамеченной.

Так как голос у меня тихий, я придумала неожиданный способ для привлечения внимания – хлопать в ладоши. Костя тогда непременно оборачивался и, широко улыбаясь, приветственно поднимал испачканную в мазуте ладонь, делая вид, что не замечает моего странного поведения. Переполненная радостью, я махала в ответ и, не сбавляя скорости, проходила мимо.

Не помню, как, но однажды я узнала Костин номер телефона. Молодой человек сильно удивился, когда я впервые позвонила. Но я не собиралась его донимать, только иногда отправляла сообщения. Он же никогда не звонил первым кроме пары раз. Это было так неожиданно и приятно!

...Я уже засыпала, лёжа на надувном матрасе в съёмной питерской квартире, как вдруг донеслась мелодия пришедшего сообщения, гулким эхом отразившись от голых стен. Я достала телефон, на миг зажмурившись от яркого света экрана, и при виде адресата резко выпрямилась, окончательно проснувшись.

«Доброй ночи, Маша!

Извини, что не поздравил днём... Не знаю, спишь ты или нет, да и не это главное. Просто хочу, чтобы завтра, когда ты только-только протрёшь сонные глаза, ты улыбнулась. Неважно, какая будет погода: будет ли идти дождь или светить солнышко – хочу, чтобы ты прочла смс и поняла, что я тебя помню...

С Днём рождения, Маша! Пусть в этом году исполнятся все мечты твоего сердца. Радости, тепла, света...

Костя В.»

Крепко вцепившись в телефон, я перечитала послание несколько раз. Хотелось скакать от счастья, на глаза навернулись слёзы. Что это? Неужели не сон? Засыпая, я блаженно улыбалась, ведь о таком подарке я даже и не мечтала...

Летом я приехала домой. Одним поздним вечером раздался звонок.

– Алло? – я взяла трубку в изумлении, не веря, что Костя звонит мне сам.

– Добрый вечер, Маша! Мы с друзьями на машине катаемся, решил тебя набрать.

Я промычала что-то невразумительное в ответ; щёки уже налились румянцем, сердце бешено забилось, ладони вспотели. Хорошо, что он всего этого не видит.

И вдруг Костя попросил меня... спеть.

– Прямо сейчас? – обалдела я.

– Ну да, а мы с ребятами слушаем.

– Ну, хорошо...

Я прошла, скрипя половицами, по спящему дому, открыла окно, чтобы никого не потревожить, и тихо запела недавно полюбившуюся мне песню.

На том конце стояла тишина, я уже было засомневалась, что меня слушают. Но стоило мне умолкнуть на последней ноте, как раздался радостный голос:

– Как круто, спасибо! Теперь я твой должник. Спокойной ночи, Маша.

– И тебе, Костя.

Через пару дней я отправилась в гости к бабушке на другой конец города. Погода стояла прекрасная, так что я решила пройти пешком. Свернув с нашей улицы на соседнюю, услышала за спиной гул мотора.

«Как было бы здорово, если бы это оказался Костя», – мечтательно подумала я и тут же переключилась на другие мысли. Машина сравнялась со мной и затормозила, я повернула

голову и ахнула: Костя смотрел на меня через открытое окно своей новой иномарки и улыбался.

– Садись, подвезу.

Я поражённо уставилась на него. Все школьные годы я только об этом и мечтала – прокатиться с ним в машине. Желание казалось несбыточным. Что вдруг произошло? За какие такие заслуги мне выпало невиданное счастье?

От переполняющих эмоций хотелось петь и танцевать, но я лишь сдержанно улыбнулась и села на сиденье рядом с ним.

– Я ещё не расплатился с тобой за песню, – улыбаясь, сказал он.

– Ах, вот оно что. Но этого недостаточно! – надув по-детски губы, возразила я.

Но Костя только улыбался. Он довёз меня до самых бабушкиных ворот. Как же не хотелось выходить из машины... В тот день я порхала, не чувствуя земли под ногами. Этот день стал одним из моих самых счастливых.

Прошёл год, я снова приехала на каникулы домой. Однажды на улице мне встретила наша молодая соседка по огороду. Явные перемены в ней меня озадачили. Прежде девушка всегда одевалась и красилась ярко, даже вызывающе, а тут вдруг обрядилась в длинные мешковатые балахоны, заспанное лицо без грамма косметики, на голове повязан выцветший платок, из-под которого выглядывает чёрная коса.

«Похоже, в секту вступила. Невестой Кости будет», – усмехнулась я про себя и прошла мимо.

Кто бы мог подумать, что мои мысли окажутся пророческими – вскоре они с Костей действительно поженились.

В следующий приезд домой мы с одноклассницей возобновили вечерние пробежки. В такие моменты казалось, что мы снова превратились в двух малолетних школьников, которые отчаянно стараются улучшить свои физкультурные успехи.

В один из вечеров мы припозднились, встретив подружку. Уже стемнело, а мы никак не могли разойтись, болтая без умолку у обочины дороги. Вдруг нас ослепили яркие фонари приближающейся машины, и до боли знакомый голос радостно окликнул в открытое окно: «Привет, Маша!»

Хорошо, что было темно и никто не заметил моих пылающих щёк. Девочки посмеялись надо мной, а я, жутко взбодораженная, ещё долго не могла унять дрожь в теле.

Добравшись до дома, я тотчас набрала сообщение: «Как ты узнал меня в темноте, да ещё среди других девочек?» Ответ последовал незамедлительно. Содержание меня шокировало: «Я всегда узнаю тебя по твоим штортикам и ножкам».

Это, на минуточку, писал женатый мужчина. Никогда прежде Костя не говорил со мной в таком тоне... Поразительно, что это случилось именно сейчас, когда он был уже несвободен.

Вскоре я вернулась в Питер на учёбу и, в очередной раз задумавшись о последнем сообщении Кости, не удержавшись, написала смс: «Костя, привет. Как дела?» На что тут же пришло в ответ: «Вы ошиблись номером».

Я очень удивилась, убедившись, что номер точно Кости. Тогда игриво настрочила следующее: «Ну как же? Это же я – та, что в штортиках и с ножками».

Ответа не последовало, но на следующий день мне позвонила разъярённая мама. Без всяких предисловий она тут же принялась орать на меня во весь голос:

– Ты зачем пишешь Косте?! Я же тебе уже говорила – забудь! Ко мне подошла его жена и начала кричать на всю улицу, чтобы ты отстала от него. Маша, что за штортики и ножки?! Ты в своём уме?

Я бросила трубку и расплакалась.

Спустя год эта девушка рожала у моей мамы. Она случайно попала в её смену. Все роды Костина жена боялась поднять глаза на мою маму – всеми любимого в этом городе аку-

шера-гинеколога. А через лет пять они уже развелись. В суде девушка заявила, что у мужа несколько лет другая семья.

Так я и не узнала, что же он чувствовал ко мне на самом деле, была ли взаимной моя симпатия. Эта загадка всегда мучила меня, особенно по приезду в родной город.

И однажды мне приснился сон. Весёлая толпа шумела на чьей-то свадьбе. Я отделилась от неё и села на скамейку. Ко мне подошёл Костя, сел рядом, поднёс мои руки к губам и зашептал:

– Я люблю тебя и всегда любил. Прости, всё из-за моей семьи: они не примут тебя, и мы никогда не сможем быть вместе.

В то утро я чувствовала облегчение, словно наконец упал камень с души, тяготивший меня все эти годы.

Глава 8. Закулисная жизнь лицедеёв

Ещё посещая подготовительное отделение, я часто натыкалась на объявления театральной студии. Это был студенческий театр, где ставили мюзиклы. Каждый год они набирали новых студентов, и я захотела попробовать. В том году попасть на учёбу я не успела, пришла

на следующий – и опоздала вновь буквально на день. Помощница режиссёра предложила подойти через месяц в расчёте на то, что народ «расползётся» и будет новый набор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.